

Соч. Бальзака.

Г Е М Н Ы Е

РАЗСКАЗЫ

ОПРОКИНУТОЙ ГОЛОВЫ.

II.

САНКТ ПЕТЕРБУРГЪ.

1836.

ТЕМНЫЕ

РАЗСКАЗЫ

ОПРОКИНУТОЙ ГОЛОВЫ.

Соч. Бальзака.

СЪ ФРАНЦУЗСКАГО.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФИИ КОНРАДА ВИНГЕБЕРА.

1856.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ шѣмъ , чтобы по напечатаніи , пред-
ставлены были въ Ценсурный Комитетъ
три экземпляра. 2 Іюня 1834 года.

ЦЕНСОРЪ *Никитенко.*

СЪТОВАНІЯ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

Г-жа Ларошъ, сидѣлка въ больницѣ.

Софья швея.

Рожеръ, Начальникъ Отдѣленія при Министерствѣ Духовныхъ дѣлъ, Офицеръ Почетнаго Легіона.

Боассель, чиновникъ особыхъ порученій. Типографскій ученикъ.

Эрнестъ Рожеръ сынъ Рожера, шеспи-
льпъ.

Карлъ, другъ его и ровесникъ.

Маргарита, кухарка Рожера.

Пикарь, прозванный Летучее пердце.

Два близкихъ родственника Рожера
съ женой спороны.

Два друга и знакомыхъ.

Трактирный слуга.

Г-жа Сень - Леонъ, откупщица.

Юлія, ея горничная.

Густавъ, писарь Ношаріуса.

Г-жа Сагошъ полировщица мрамора

Жанъ, работникъ Г-жи Сагошъ.

СЪТОВАНІЯ.

ЯВЛЕНІЕ 1 - ое.

(Понедѣльникъ. Семь часовъ вечера.)
(Спальня неубранная. — На каминѣ множество стклянокъ пустыхъ, въ коихъ были лекарства.)

Г-жа Ларошъ. (наливая изъ пузырька въ ложку остатки лекарства.)

Добрая бѣдная женщина! она не успѣла даже допить своего лекарства —, (пьетъ) а оно было превкусное. Нужно поблагодарить за это Г-на Каде. — (Приближаясь къ постели, гдѣ Софья занимается шитьемъ) А что! напримѣръ, не хочешь ли ты шить это вдвое?

С о ф ѣ я .

Да, мнѣ кажется, Г-жа Ларошъ, что это нужно сшить покрѣпче; вѣдь это не на одинъ день.

Г-ж а Л а р о ш ѣ .

Не безпокойся, оно будетъ держаться до кладбища, а шамъ ужъ не наше дѣло.

С о ф ѣ я .

Что это? вы никакъ философствуете! можно ли говорить объ этомъ, какъ объ ложкѣ лекарства, которое должно принять.

Г-ж а Л а р о ш ѣ .

Ты можешь понять, я думаю, малютка, что, достигнувъ до моихъ лѣтъ, имѣя подъ надзоромъ множество больныхъ и многихъ проводивъ на топъ свѣтъ, нельзя мнѣ не знать всѣхъ родовъ смерти. Да знаешь ли ты еще, что такое смерть?— Это значитъ отхозяничать въ срокъ и кончить. Сегодня или завтра, можетъ быть, наступитъ и наша очередь.

С о ф ѣ я .

Да ужъ разумѣется, машушка Ларошъ, что ваша - но ближе моей.

Г-ж а Л а р о ш ѣ .

Ахъ ты глупенькая! нѣтъ; я видала, какъ умирали и молоденькія дѣвушки. Помнишь ли, напримѣръ, маленькую Лероа, которой не было еще десяти лѣтъ, и которая на прошедшей недѣли умерла, похворавъ не болѣе трехъ дней?

С о ф ѣ я .

Какъ не помнить! Однако мнѣ кажется, что дѣши гораздо болѣе подвержены смертности, нежели молодые взрослые люди. — Какой годъ дамъ, которая шупъ лежишь на спюль?

Г-ж а Л а р о ш ѣ .

Двадцать девять лѣтъ, по ея словамъ. Но я думаю, что ей около тридцати трехъ или тридцати чепы рехъ.

С о ф ѣ я.

Все же она умерла еще молодая.

Г-жа Л а р о ш ѣ.

Конечно; это самый цвѣтъ жизни
нѣтъ болѣе, что если бы эта жен-
щина была здоровѣе, то не было бы
никого счастливѣе ея. — Шей же по-
рѣже. — Она была обожаема мужемъ
который занимаетъ превьгодное мѣ-
сто.

С о ф ѣ я.

Не служилъ ли онъ въ Департа-
ментѣ Градъ за оплчичіе?

Г-жа Л а р о ш ѣ.

Нѣтъ, онъ по Полицейской частн;
однакожь коннора его въ улицѣ Грe-
нель. Ему плащятъ за просрочки.

С о ф ѣ я.

О! да превьгодное мѣсто.

Г-жа Л а р о ш ѣ.

То - то же! Вообрази жъ себѣ: у
нея были при шани — двѣ Француз-
скія и одна наслоящая Индѣйская.

С о ф ъ я .

У одной женщины при шали!

Г-жа Л а р о ш ъ .

Серьги брильянповыя; множесиво богатыхъ колець; полные шкафы платья и бѣлья; мужъ никогда ни въ чемъ ей не отказывалъ; она управляла всѣмъ домомъ; имѣла премиленкаго сынка, полешаго и рослаго не по лѣтамъ, и не смотря на все это, она должна была умереть.

С о ф ъ я .

Это ужасно!

Г-жа Л а р о ш ъ .

Воптъ, видишь ли, я вѣдь только сказала, увидѣвъ ся лекаря: эшоутъ человекъ ее не вылечинтъ.

С о ф ъ я .

Что правда, то правда; все доктора наши только больше порпягтъ больныхъ.—Воптъ я и кончила шипье, мапушка Ларошъ!

Г-жа Л а р о ш ъ .

Спасибо дупечка! Но шы еще не

все сдѣлала, тебѣ нужно искусно вынести маленькій узелокъ пряпья. Я не могу этого сдѣлать потому, что приврашница, когда я прохожу мимо, обыкновенно зазываетъ меня къ себѣ, чпобы поболтать нѣсколь-ко минушъ, и если я не найду къ ней, то это возбудишъ подозрѣніе. Ты проскользнешь скорѣе; за то я подарю тебѣ канезу.

С о ф ѣ я .

Хорошо! — А вы будете при ней всю ночь?

Г-жа Л а р о ш ѣ .

Бедненькая, добрая женщина! это ей послѣдняя услуга.

С о ф ѣ я .

А я шакъ никакъ не могу осна-ваться при покойникахъ! ни за что на свѣшъ!

Г-жа Л а р о ш ѣ .

Въ самомъ дѣлѣ! не боишься ли ты, напримѣръ, чпобъ она ушаци-

ла шебя за ноги? Нѣтъ! сказано въ Священномъ Писаніи: мершвые не оживаюшъ; но оставимъ въ покоѣ прахъ ихъ.

С о ф ѣ я .

Ну прощайтежь, мапушка Ларошъ.

Г-ж а Л а р о ш ѣ .

Прощай, любезная. Не мѣшкай на дорогѣ, чшобы мать не беспокоилась. Видишь - ли что: канезу, можетъ бытъ, слишкомъ богатъ будетъ для тебя, такъ ты можешь спорить одинъ рядъ, а эшо пригодится тебѣ на обшивку чепца.

С о ф ѣ я .

А что, и въ самомъ дѣлѣ!

Г-ж а Л а р о ш ѣ .

Погоди, и я сойду вмѣстѣ съ побою. Я скажу въ кухню, чшобы мнѣ дали не много сладкой водки! Ночью воздухъ нехорошъ, надобно держати живощъ въ шепелѣ (*объ выходятъ.*)

Я В Л Е Н І Е 2-ое.

(Понедѣльникъ. Восемь часовъ вечера,
Кабинетъ Рожера.)

Р О Ж Е Р Ъ и Б О А С С Е Л Ъ .

Б О А С С Е Л Ъ (входитъ)

Вы изволили меня спрашивать,
господинъ Директоръ?

Р О Ж Е Р Ъ .

Да, любезнѣйшій Боассель. Спущайте - ка сюда; вы знаете несчастіе, случившееся со мною?

Б О А С С Е Л Ъ .

Къ несчастію знаю-съ. Спорожъ изъ конторы приходилъ сегодня за поршфелью, и увѣдомилъ насъ о смерти вашей супруги. Всѣ конторскіе въ великомъ опчаяньѣ.

Р О Ж Е Р Ъ . (со вздохомъ)

Чтожъ дѣлать, другъ мой! Не случилось ли у васъ чего новенькаго?

Б О А С С Е Л Ъ .

У насъ былъ Оберъ - Секретарь; онъ обошелъ всѣ конторы.

Р о ж е р ь .

А кто былъ съ нимъ?

Б о а с с е л ь .

Г-нъ Серпень, Начальникъ Ошдѣле-
вія.

Р о ж е р ь (въ сторону)

Большой плусть! (гроливо). Нельзя
оплучиться ни на одинъ день, даже
и подъ такимъ законнымъ предло-
гомъ, не подвергаясь неурядиностямъ.

Б о а с с е л ь .

Увѣряю васъ, сударь, что г-нъ
Оберъ - Секретарь нисколько не сер-
дился за вашу оплату.

Р о ж е р ь .

Не сердился за мою оплату! Экое
важное дѣло, сердился - ли онъ или
нѣтъ. Но, знаете ли вы что весьма не-
прилично, когда сепь начальникъ,
имѣющъ провожатымъ подчиненнаго?
Г-нъ Оберъ - Секретарь могъ бы увѣ-
домишь меня, когда онъ намѣренъ
былъ пожаловать: я преодолю бы
свою горестъ, я вырвался бы на-

сильно изъ оледенѣлыхъ объятій жены моей — жены любимой — и былъ бы при своемъ мѣстѣ.

Б о а с с е л ь .

Что до меня касается, то поступокъ г-на Серпена весьма меня удивилъ.

Р о ж е р ь .

Все равно; я знаю, что сдѣлаю. Скажите мнѣ, любезный Боассель... Да садитесь пожалуйста — я хочу попросить васъ оказать мнѣ услугу.....

Б о а с с е л ь .

Готовъ исполнить ваши приказанія, г-нъ Директоръ.

Р о ж е р ь .

Чѣмъ занимаетесь вы по вечерамъ?

Б о а с с е л ь .

Чѣмъ? Боже мой! мы учредили общество, состоящее изъ повѣренныхъ, доктора и немногихъ спрянчихъ; есть даже между нами спарринный судья; я бы желалъ, чибобъ вы съ нимъ познакомились — человекъ опличнѣйшій. Мы собираемся въ ко-

фейную, недалеко отъ мой кварпиры, болтаемъ о полишикъ, играемъ въ шашки или въ домино. А кто холостъ. . . .

Р о ж е р ь .

Вотъ видите, въ чемъ дѣло: у меня есть списокъ всѣхъ моихъ знакомыхъ, къ коимъ я хочу разослать приглашительные билеты. Я отпечаталъ также въ Адрессъ - Календарѣ нѣкоторыхъ дѣловыхъ людей, по военной и штапской части, съ коими намѣренъ познакомиться.

Б о а с с е л ь .

Понимаю, милоспивый государь.

Р о ж е р ь .

Нужно взять у меня эшотъ списокъ и Календарь, не пропускашь никого, и шакъ, какъ вы прекрасно пишете.

Б о а с с е л ь *(улыбалсь)*

Много чести, сударь!

Р о ж е р ь .

Нѣтъ, безъ лести, вы пишете

прелестно, — и такъ вы поспрудитесь сдѣлать конверты, занецашасть ихъ, написасть адресъ, и, какъ скоро они будутъ готовы, то прикажите спорожу разнести ихъ. До полночи все это можно окончить.

Б о а с с е л ь.

Слушаю - съ.

Р о ж е р ь.

Вамъ, можетъ быть, неприятно, что вы не будете сегодня въ вашемъ кофейномъ домѣ?

Б о а с с е л ь

О, помилуйте! нисколько.

Р о ж е р ь.

Поспайте, — вотъ идуть ко мнѣ изъ типографіи.

(входитъ ученикъ.)

У ч е н и к ь.

Мое почтеніе, господа; вотъ билеты для вашей супруги.

Р о ж е р ь.

Ты пришелъ очень поздно!

У ч е н и к ъ .

Помилуйте, сударь! это мешкашная работа; она пребудетъ много времени.

Р о ж е р ъ .

Какъ, неужели г-нъ Еверапъ не имѣетъ ничего лучшаго?

У ч е н и к ъ .

А что? не годятся развѣ эти билеты?

Р о ж е р ъ .

Да они суцая дрянъ. Бумага прекверная, виньетка-хопъ брось. (*Прочитавъ одинъ*) Вотъ! къ шому же еще вмѣсто офицера Почетнаго Легиона, они напечатали: кавалеръ Почетнаго Легиона.

У ч е н и к ъ .

Видно это дурачье наборщики ошиблись.

Р о ж е р ъ .

Отнеси - ка эти билеты назадъ; они никуда негодятся.

Б о а с с е л ь .

Позвольте замѣнить вамъ, г-нъ Директоръ, что если церемонія будетъ завтра упрямъ, то едва ли можно будетъ получить другіе,—теперь поздно.

Р о ж е р ь

Но, любезнѣйшій, сами посмотри-те, можно ли въ руки взять эту дрянъ!

Б о а с с е л ь .

Я знаю, что это неприятно для васъ; но похоронные билеты сдѣланы не на показъ; не для того чтобы блеснуть ими.

Р о ж е р ь .

Въ какихъ нибудь шесни спрокахъ и такая грубая ошибка!

Б о а с с е л ь .

Милоспивый государь, я подскоблю и поправлю эту ошибку.

Р о ж е р ь .

Хорошо, посмотримъ! оставь билеты здѣсь.

УЧЕНИКЪ.

Вопшь они - съ.

РОЖЕРЪ.

Скажи своему хозяину, что я очень имъ недоволенъ.

УЧЕНИКЪ.

Слушаю - съ.

(Уходитъ.)

РОЖЕРЪ.

Вы что - то потеряли?

БОЛССЕЛЬ.

Я щу своего перочиннаго ножичка; я его обыкновенно щу съ собою, а сегодня именно.....

РОЖЕРЪ.

Вопшь вамъ мой; попорочишесь, пожалуйста, мнѣ непременно должно кончить это сегодня вечеромъ, (*Проживаясь большими шагами*) А что, я думаю, Сершенъ очень былъ веселъ при Оберъ Секретаръ?

БОЛССЕЛЬ.

Точно шакъ, милостивый государь.

Р О Ж Е Р Ъ.

Что они говорили?

Б О А С С Е Л Ъ.

Извините, я не могъ разслышать.
(*Съ чистосердечіемъ*). Но я весьма сожалѣлъ, что васъ тамъ не было.

Р О Ж Е Р Ъ. (*съ живостію*)

Отъ чего? развѣ вы думаете, что случилось что нибудь?

Б О А С С Е Л Ъ.

Нѣтъ, милоспивый государь; но я попросилъ бы о прибавкѣ жалованья. Я смѣю думать, что вы не отказались бы поддержать мою просьбу. Извините мою нескромность; но смѣю ли надѣяться.....

Р О Ж Е Р Ъ.

Ахъ, любезный Боассель! я шакъ мало имѣю охоты занимать дѣлами.... — Я васъ оставляю; ибо мѣшаю вамъ работатъ; я пойду поспашраюсь не много уснуть; я всю прошлую ночь былъ на ногахъ, а я имѣю

сына, для коего долженъ сохранятьъ себя.

(Уходитъ.)

Я В Л Е Н І Е 3-іе.

(Впорникъ, полдень.) Дворъ похороннаго дома.)

КАРЛЪ. ЭРНЕСТЪ РОЖЕРЪ.

(у окна въ шляпъ.)

ЭРНЕСТЪ.

Эй! гдѣ ты, Карлъ? здравствуй!

КАРЛЪ *(показывается у противоположнаго окна.)*

Развѣ ты не въ Пансіонѣ?

ЭРНЕСТЪ.

Нѣтъ.

КАРЛЪ.

Ошѣ чего?

ЭРНЕСТЪ.

Сегодня будущъ хоронить мапушку. Это будетъ прекрасно; знаешь ли? будущъ 3 черныя карешы; въ одной буду я.

К А Р Л Ъ.

Ахъ, я бы очень желалъ ѣхать съ тобою.

Э Р Н Е С Т Ъ.

Нельзя, дружище; ты не приглашенъ; ахъ, если бы видѣлъ, сколько у насъ въ домъ народа!

К А Р Л Ъ.

Но, скажи пожалуйста, опъ чего ты не плачешь?

Э Р Н Е С Т Ъ.

Не могу, охоты нѣтъ!

К А Р Л Ъ.

А я такъ очень, очень плакалъ, когда умерла моя бабушка.

Э Р Н Е С Т Ъ.

Опъ чего это? вѣдь она себя всегда бранила.

К А Р Л Ъ.

Знаю; но папенька и маменька плакали и я тоже заплакалъ.

Э Р Н Е С Т Ъ.

Хорошо! это другое дѣло, но мой папенька не плачетъ.

К А Р Л Ъ .

Скажи же мнѣ, придешь ли ты играть, когда прѣдешь домой?

Э Р Н Е С Т Ъ .

Если нянюшка позволитъ.

К А Р Л Ъ .

Мы будемъ играть въ національную гвардію.

Э Р Н Е С Т Ъ .

Пожалуй; только я буду Лафайетомъ.

К А Р Л Ъ .

Какъ хочешь; а я буду армиялериспомъ.

Э Р Н Е С Т Ъ .

Мы сдѣлаемъ возмущеніе.

К А Р Л Ъ .

И прекрасно!

Э Р Н Е С Т Ъ .

Опойдемъ опъ окна; вонъ идутъ и похоронные слуги; няня говорила мнѣ, что это презлые люди.

Я В Л Е Н І Е 4-ое.

МАРГАРИТА, (*кухарка г-на Рожера.*) ПИКАРЬ, ЛЕТУЧЕЕ СЕРДЦЕ.
(Половина перваго)

ПИКАРЬ (*подходя къ кухонной двери.*)

Вы, сударыня, чистите прекрасную дичь, а какъ бы дорога была эта пшлица?

МАРГАРИТА.

Право забыла; при франка и десяти су, или чешыре франка.

ПИКАРЬ.

Я васъ спрашиваю потому, что недавно давалъ обѣдъ, и намъ отдавали пулярку, гораздо хуже эпой, за шесть франковъ.

МАРГАРИТА.

О! съ васъ славно слупили!

ПИКАРЬ.

Ну, вошь видите ли? а жена ушверждала, что отдали ее намъ за полъ-цѣны.

МАРГАРИТА.

Ваша жена? По-этому вы женаны?

П и к а р ь .

Какъ же! безъ сомнѣнія; развѣ эно васъ удивляептъ?

М а р г а р и т а .

Неужели нѣтъ! я полагага, что вы холосны.

П и к а р ь .

Какъ спраненъ свѣтъ: мы почли всѣ женаты. Такъ, какъ вы меня шеперь видите, я имѣю уже другую жену; женщину шолешую, свѣжую, веселую, содержащую близъ Гааля фрукшовую лавку, и которая имѣла много обожателей. Но мнѣ спойало шолько показашься, чтобы предъ всѣми получить преимущесиво.

• М а р г а р и т а .

По - эшому вы имѣете выгодное мѣсто ?

П и к а р ь .

Нѣтъ, нѣтъ! она не изъ корыспи вышла за меня; но ей понравилась моя веселость, вольное обращеніе и вообще вся фигура моя; припомъ

же и состояніе мое не худос; — во-первыхъ, мы не знавали еще худой поры.

М А Р Г А Р И Т А .

О! да, у насъ ничего не значащъ сак-кварды. (*)

П И К А Р Ъ .

Бышь можешъ. (*съ важными видоми*) у васъ покойниковъ на рукахъ носящъ?

М А Р Г А Р И Ш А .

Да, сударь.

П И К А Р Ъ .

Я такъ и думалъ; но вы видите, что здѣсь мы живемъ на другой ногѣ Самыхъ бѣдныхъ людей опвозящъ въ шелѣгахъ. Что, если я вамъ скажу, что похороны сшапунъ семейству покойной Госпожи вашей болѣе двадцати няни Луидоровъ!

М А Р Г А Р И Т А .

Какъ! двадцать пяць Луидоровъ, чтобы схоронить Госпожу нашу?

(*) Такъ называются похоронные слуги въ Бургони.

П и к а р ь.

Такъ точно; но бысъсь объ закладъ, что вы не слишкомъ объ ней жалѣете?

М а р г а р и т а.

Да, правду скажешь! не очень-то.

П и к а р ь.

Кажешся, она была не въ полномъ умѣ?

М а р г а р и т а.

О нѣшъ! покуда, до болѣзни, она была весьма внимательна къ расходамъ, а ужъ послѣ, когда захворала, то должно было приготавливать придцать шесть разъ въ сутки ячной воды, вспаивать ночью....

П и к а р ь.

Больные всегда такъ взыскательны.

М а р г а р и т а.

А такъ, какъ горничная весьма лѣнива, то вся работа доспалась мнѣ.

П и к а р ь.

Если бы это случилось недѣлю раньше, то я могъ бы доставить вамъ прекрасное мѣсто! богашѣйшій домъ!

М А Р Г А Р И Т А .

Все равно! я не оставлю теперь этого мѣста потому, что баринъ останется одинъ и я посмотрю, а-вось можно будетъ какъ-нибудь уладить это дѣло; припомъ же онъ заказалъ для насъ, горничной и для меня, по два траурныхъ плащя.

П и к а р ь .

Если шакъ, то невѣжливо будетъ оставить теперь домъ.

Г о л о с ь .

Пикарь, эй! Пикарь!

П и к а р ь .

Проспите, сударыня! пѣло выносятся; мнѣ нужно ищи на подмогу. До радостнаго свиданія.

(Уходитъ.)

М А Р Г А Р И Т А .

Прощайте, сударь!.... Какъ онъ любезень!...

Я В Л Е Н І Е 5-ое.

(Три часа пополудни. *Внутренность траурной кареты.*)

Д Е В Е Р Ъ — П О К О Й Н И Ц Ы. Д В О -
Ю Р О Д Н Ы Й Б Р А Т Ъ Е Я. Д В А Н Е -
З Н А К О М Ц А.

Д Е В Е Р Ъ.

Ей было олъь придцаши до придцаши двухъ лѣтъ.

1-й Н Е З Н А К О М Е Ц Ъ.

Эта-то и есть самая опасная пора для страдающихъ грудью.

2-й Н Е З Н А К О М Е Ц Ъ.

Позвольте васъ спросить, милоспивый государь, много ли принесла она приданаго г-ну Рожеру?

Д Е В Е Р Ъ.

Шестъдесять тысячъ франковъ.

2-й Н Е З Н А К О М Е Ц Ъ.

Я полагаю, что болѣе. Но развѣ онъ не долженъ возвратить родственникамъ эту сумму?

Д Е В Е Р Ъ.

Нѣтъ, сударь; оспалось дитя.

2-й Н Е З Н А К О М Е Ц Ъ .

А !

(Минута жюганія.)

1-й Н Е З Н А К О М Е Ц Ъ .

Церемоніи, подобныя той, при которой мы присушспвуемъ, всегда очень печальны.

Д Е В Е Р Ъ

Безъ сомнѣнія.

1-й Н Е З Н А К О М Е Ц Ъ .

Вопшь мнѣ такъ совершенная бѣда: я знакомъ съ цѣлымъ Парижемъ, и безпреспанно вижу себя принужденнымъ присушповать при подобныхъ обрядахъ, что для меня очень тяжгосшно.

Д в о ю р о д н ы й б р а т ь .

Въ самомъ дѣлѣ, я имѣлъ честь встрѣчать васъ во многихъ домахъ, если не ошибаюсь.

1-й Н Е З Н А К О М Ц Ъ .

Эшо легко бышь можешь; я вездѣ бываю.

ДВОЮРОДНЫЙ БРАТЪ.

Напримѣръ, на прошлой недѣлѣ не имѣлъ ли я чесни обѣдашь вмѣстѣ съ вами у госпожи Агремонъ?

1-й НЕЗНАКОМЕЦЪ.

Точно такъ, милоспивый государь, я былъ шамъ; обѣдъ былъ презамѣчательный!

ДВОЮРОДНЫЙ БРАТЪ.

Правду сказашь!.. шрюфелей быма бездна; вина — самыя лучшія, и къ помуже такая хлѣбосольная хозяйка!

1-й НЕЗНАКОМЕЦЪ.

Да!....

ДВОЮРОДНЫЙ БРАТЪ.

Милоспивый государь, помнишся мнѣ, что вы не оспались ужинашь?

1-й НЕЗНАКОМЕЦЪ.

Нѣтъ! жена моя была въ оперѣ, и я поѣхалъ за нею.

ДВОЮРОДНЫЙ БРАТЪ.

Вы много пошеряли; шамъ была пропасть хорошенькихъ дамъ; игра-

лииншермедію Теодора Леклерка; г-жа Агремомъ была въ ней прелестна.

Д Е В Е Р Ъ.

Эпопъ Теодоръ Леклеркъ преумный человекъ!

1-й Н Е З Н А К О М Е Ц Ъ.

Чрезвычайно умный, милоспивый государь, и припомъ такой шупникъ, что и мертвыхъ засшавишь смѣяшься.

2-й Н Е З Н А К О М Е Ц Ъ.

Кажешся, мы пріѣхали на кладбище.

Д в о ю р о д н ы й б р а т ь.

Да; гдѣ, между прочимъ, мы будемъ въ грязи по колѣно.

Д Е В Е Р Ъ *(двоюродному брату.)*

Послушай, Адольфъ! какъ бы намъ не разоишись? Ты знаешь, что намъ назначено свиданіе у Вери, въ шесть часовъ безъ четверти. Пріѣхавъ домой, возьмемъ наемную карету и велимъ везти себя къ Перрону.

(Они выходятъ изъ кареты и входятъ на кладбище.)

Я В Л Е Н І Е 6-ое.

(Вторникъ; семь часовъ.) — Зала у
Ресторатора.

Р О Ж Е Р Ъ .

Мальчикъ, каршу!

М А Л Ь Ч И К Ъ .

Вошъ она-съ. (*говоритъ конторщицу*). Бутылку Бургонскаго и бутылку С. Жюльеня ; филе, начиненный прюфелями, лосося съ каперцовымъ соусомъ, паштетъ изъ жирной печени, арпишоковъ, салату, померанцоваго желе, кофею.

Р О Ж Е Р Ъ (*въ сторону.*)

Не худая респорация. Эй ! шляпу!
(*выходитъ.*)

Я В Л Е Н І Е 7-ое.

(Вторникъ; восемь часовъ.) — Зала. —
Г-жа Сень - Леонъ, Густавъ.

Г-жа Сень - Леонъ.

Боже мой! ты знаешь, Гуспавъ, что я люблю театръ; но сегодня вечеромъ не могу ийти: онъ придетъ. . . . я въ эпомъ увѣрена.

Г у с т а в ъ .

Пойдемъ-те! сегодня онъ схоронилъ жену свою.

Г-жа С ен ъ - Л е о н ъ .

Тѣмъ хуже; онъ приходишь каждый вечеръ, а сегодня ему нужно разсѣяшься, и онъ вѣрно придетъ искашь ушѣшенія въ моихъ объятіяхъ. Г у с т а в ъ . *(съ видомъ сердитымъ.)*

Прекрасно! это довольно весело слушаешь. . . .

Г-жа С ен ъ - Л е о н ъ .

Кажется, Густавъ, что я въ этомъ случаѣ больше себя жертвую; ты не имѣешь понятія. . . .

Г у с т а в ъ .

Но, по крайней мѣрѣ, спарайтесь опивзаться опъ него поскорѣе; мы поѣдемъ съ вами за городъ.

Г-жа С ен ъ - Л е о н ъ .

Хорошо, постараюсь.

Ю л і я *(вбѣгаетъ)*

Уйдите скорѣй, г-нъ Густавъ, онъ идетъ!

Г-ЖА СЕНЬ-ЛЕОНЪ.

Что? кто правъ?

Густавъ. *(береть шляпу)*

Чоршъ его побери! я взойду вверху,
какъ будшо былъ въ шрепьемъ эпа-
жъ. До завпра!

(уходитъ скоро.)

Г-ЖА СЕНЬ-ЛЕОНЪ.

Вошъ будешъ веселый вечеръ! Онъ
долженъ заплапипъ за него. Прошлый
разъ онъ показывалъ видъ, какъ будшо
не слышишъ; но я наспопашельно
потребую сегодня шаль его жены.

ЯВЛЕНІЕ 8-ое.

(Восемь часовъ съ чепвертью.)

Г-ЖА СЕНЬ-ЛЕОНЪ, РОЖЕРЪ.

(съ пасмурнымъ видомъ.)

Г-ЖА СЕНЬ-ЛЕОНЪ *(съ нтъжно-
стю.)*

Ахъ! наконецъ вы пришли, мой
другъ! а я боялась, что ужъ васъ
сегодня не увижу. Я цѣлое ушро ду-
мала шолько объ васъ... Вы, я ду-
маю, оченъ скучали! здоровы-ли вы?

РОЖЕРЪ (со вздохомъ.)

Я совсѣмъ исчахъ!

Г-ЖА СЕНЬ-ЛЕОНЪ.

Можно этому повѣришь. Были ли вы на кладбищѣ?

РОЖЕРЪ.

Нѣшъ; это не водился. . . . я былъ въ моей конторѣ.

Г-ЖА СЕНЬ-ЛЕОНЪ.

Какъ, сегодня?

РОЖЕРЪ.

Да; шамъ есишь двое или шрое ин-шриганшовъ, всегда гошовыхъ, въ мое опсушствіе, повредишь мнѣ; при-шомъ же у меня была нужная рабо-ша, кошорая не шерпѣла опсрочки: весьма умное разсужденіе о первоначальномъ обученіи. Я, признашья, порядочно написалъ его, и надѣюсь, что его замѣшашъ; завшра вечеромъ принесу я его вамъ въ *Вѣстникъ*.

Г-ЖА СЕНЬ-ЛЕОНЪ.

Я прочшу его съ удовольствіемъ

(вѣ сторону) Съ великимъ удовольствіемъ!

(Минута Молчанія.)

Р о ж е р ь.

Позвоните, чтобы Юлія принесла мнѣ немного рому! у меня рѣзь въ живопѣ.

Г-ж а С е н ь - Л е о н ь.

Погребокъ стоишь здѣсь, на консоли. Вы, можетъ быть, не обѣдали?

Р о ж е р ь.

Нѣтъ; я съѣлъ нѣсколько ложекъ супу и идѣчье крыло; но все это не приходилось мнѣ по вкусу. (Онъ пьетъ стаканъ рому.) Миниспръ былъ весьма доволенъ моимъ послѣднимъ рапортомъ.

Г-ж а С е н ь - Л е о н ь.

А!

Р о ж е р ь.

Онъ соспавилъ изъ него почти все основаніе новаго прожекта законовъ.

Г-ж а С е н ь - Л е о н ь.

Это прекрасно. (Минута молчанія)

Я видѣла сегодня г-жу Сень - Фаль, она спрашивала объ васъ.

Р о ж е р ь .

Ксшати; я встрѣшилъ ее недавно; но она меня не узнала; она была съ высокимъ, бѣлокурымъ мужчиною.

Г - ж а С е н ь - Л е о н ь .

Вы всегда худо думаете о людяхъ!

Р о ж е р ь .

Совсѣмъ нѣтъ; но эта женщина очень легкомысленна, и мнѣ бы было непріятно, еслибъ вы были часто съ нею.

Г - ж а С е н ь - Л е о н ь .

Боже мой! я ее почти никогда не принимаю. Она пришла сегодня потому, что хотѣла разсказать мнѣ о своемъ большомъ счастьи.

Р о ж е р ь .

О какомъ это счастьи?

Г - ж а С е н ь - Л е о н ь .

Ахъ, Боже мой! она пришла разсказать мнѣ, что генераль торгуется

для нея нѣчто такое, чего она давно желаетъ.

Р о ж е р ь .

Чего же она давно желаетъ?

Г-жа С ен ь - Л е о н ь (небрежно .)

Да шали. —

Р о ж е р ь .

А!

Г-жа С ен ь - Л е о н ь .

Припомъ же, ашо не новая шаль, какая - шо Англичанка продаетъ ее.

Р о ж е р ь .

Ваши лампы горятъ очень худо, душа моя!

Г-жа С ен ь - Л е о н ь .

Эшо опъ шого чшо свѣпильня нагорѣла. — Говорятъ, чшо у эшой Англичанки шестъ шалей.

Р о ж е р ь .

Что же! я увѣренъ, чшо она сама ихъ не надѣваетъ.

Г-жа С ен ь - Л е о н ь .

Можетъ бытъ, если у ней ихъ мно-

го; но шѣ, копорыя имѣюшъ шоль-
ко одну. . . .

Р о ж е р ь .

Такъ шѣмъ одна надоѣдаешъ.

Г-ж а С е н ь - Л е о н ь .

Но, другъ мой, все же нужно имѣшь
шаль.

Р о ж е р ь .

Безъ сомнѣнія; но Французскія ша-
ли, какова напримѣръ ша, копорую
я далъ тебѣ, также хороши, какъ
иностранныя, въ коихъ рисунокъ
преотвращительный. Припомъ же,
что за выгода имѣшь кашемировую
шаль?

Г-ж а С е н ь - Л е о н ь .

Такая же, какую вы имѣете, же-
лая получить орденъ почетнаго Ле-
гіона. Удовлетвореніе самолюбія; по-
крайней мѣрѣ не походишь тогда на
грязешку.

Р о ж е р ь .

Можно и безъ этого оплнчатъся
опъ нихъ своимъ видомъ.

Г-ЖА СЕНЬ-ЛЕОНЪ.

Если такъ, по для чего купили вы женѣ своей Индѣйскую?

РОЖЕРЪ.

Пошому, что за приданое, копорое она мнѣ принесла, я былъ обязанъ дать ей хорошую корзинку, и что, въ хорошей корзинкѣ всегда находишься должны нѣсколько брилліаншовъ и кашемировая шаль.

Г-ЖА СЕНЬ-ЛЕОНЪ.

Я увѣрена, что она ее носила!

РОЖЕРЪ.

Очень рѣдко.

Г-ЖА СЕНЬ-ЛЕОНЪ.

Тѣмъ хуже, пошому, что если бы она была немного поношена, по я бы купила ее у васъ.

РОЖЕРЪ.

Я бы вамъ ея не продалъ.

Г-ЖА СЕНЬ-ЛЕОНЪ. *(улыбаясь.)*

Вы бы лучше хотѣли подарить мнѣ ее?

РОЖЕРЪ.

И это нѣтъ!

Г-ЖА СЕНЬ-ЛЕОНЪ.

Что же вы полагаете съ нею дѣ-
лать?

РОЖЕРЪ.

Ничего; но не прилично, чтобы
женины вещи.....

Г-ЖА СЕНЬ-ЛЕОНЪ (*съ иронією*)

Переходили въ руки женщины, ва-
ми любимой?

РОЖЕРЪ.

Я не это говорю.

Г-ЖА СЕНЬ-ЛЕОНЪ.

Ахъ! Боже мой! если и не говори-
те этого, то, по крайней мѣрѣ, такъ
думаете; а я именно для этого и
желала имѣть вашу шаль. Мнѣ хо-
шѣлось узнать: спавите ли вы ка-
кое нибудь различіе между мною и
женою вашею? считаете ли вы ме-
ня достойною такихъ же попеченій,
какія вы имѣли объ ней?.....

Р О Ж Е Р Ъ.

Вы бы ксипати ужъ попросили бы и брилльяншовъ ея!

Г-Ж А С Е Н Ъ - Л Е О Н Ъ. (*гордо.*)

Брилльяншы, милоспивый Государь, все равно, чпо деньги; они имъонпъ наспоящую цѣну, между шѣмъ, какъ шаль часшъ дамсаго шуалета, копорая уже поношена. . . .

Р О Ж Е Р Ъ.

Знаешь ли? ты прекрасно разсуждаешь!

Г-Ж А С Е Н Ъ - Л Е О Н Ъ.

Полно! Послушай, Альфредъ, одолжи ее мнѣ на нѣсколько мѣсяцевъ; я послѣ опдамъ тебѣ ее. (*Подходя къ нему и поправляя кончики косынки его*) Если бы ты зналъ, какъ она хорошо мнѣ приспанеть!

Р О Ж Е Р Ъ.

Нѣпъ; я подарю ее своей невѣспкѣ.

Г-жа СЕНЬ - ЛЕОНЬ. (*Садится на софу въ противоположномъ концѣ комнаты.*)

Правда, это будетъ приличнѣе.

РОЖЕРЪ.

Ты начинаешь сердиться?

Г-жа СЕНЬ - ЛЕОНЬ.

Нѣтъ, милоспивый государь! вѣдь вы власны предпочипать мнѣ вашихъ родныхъ.

РОЖЕРЪ.

Полно! что за глупости.

Г-жа СЕНЬ - ЛЕОНЬ.

Я, по несчастію, не умѣю такъ приспавать, какъ г-жа Сень - Фаль. Такихъ, какъ она — такъ любяшь.

РОЖЕРЪ. (*садится подлѣ нея*)

Переспань, Ирма! не плачь и обойми меня.

Г-жа СЕНЬ - ЛЕОНЬ.

Нѣтъ, сударь.

РОЖЕРЪ.

Какъ! ты не хочешь меня обнять, меня, сегодня столь печальнаго и до-

спойнаго сожалѣнія? Сдѣлай одолженіе, переспань! мы все это уладимъ.

Г-ж а С е н ь - Л е о н ь .

Мы ничего не уладимъ, потому, что я оиъ васъ ничего не прошу.

Р о ж е р ь .

Ирма!

Г-ж а С е н ь - Л е о н ь (отталкивал его)

Оспавьте меня, прошу васъ!

Р о ж е р ь .

Милая Ирма!

Г-ж а С е н ь - Л е о н ь .

Отспаньте! нѣшъ, не хочу! отспаньте же!

.

Я В Л Е Н І Е 9-ое.

(Девяпъ часовъ)—*Мастерская г-на Сагота.*

Г-ж а С а г о т ь .

Жанъ! вошъ эписафія, копорую, сколько можно скорѣе, нужно высѣчь на эпомъ камнѣ. Меня очень просили не заставипъ ждашь себя долго.

Ж А Н Ъ (читаетъ)

Здѣсь погребено тѣло Іоанны - Мари Перро, супруги г-на Рожера, Начальника Отдѣленія при Министерствѣ Духовныхъ Дѣлъ, Офицера Почетнаго Легіона, умершая тридцати двухъ лѣтъ. Она была добрая мать и безпримѣрная супруга. Неутѣшныя супругъ и сынъ воздвигли ей этотъ памятникъ.

De profundis.

Хорошо, сударыня, эпо я сдѣлаю завтра.

Г-ЖА САГОТЪ.

Какъ скоро ты окончишь эпошъ камень, то поставь его, какъ слѣдуетъ, а наверху повѣсь вѣнокъ изъ сухоцвѣша.

Ж А Н Ъ.

Слушаю-съ, сударыня; доброй ночи!

Г-ЖА САГОТЪ.

Прощай, Жанъ!

С Ъ Т О В А Н І Я .

Я В Л Е Н І Е 10-ое.

(Девять часовъ и одна минуша.)

(— Зала Г-жи Сень - Леонъ.)

Г-ж а Л е о н ъ (*поправляя
волосы и косынку*).

Вы несносны. - Чшожь? Вы уходите?

Р о ж е р ъ .

Да, я усталъ; я сегодня перенесъ столько безпокойствъ! Мнѣ нуженъ покой. Я тебѣ принесу шаль завтра; но ты не должна надѣвать ее въ первое время, чтобы ее на тебѣ не узнали.

Г-ж а С е н ъ - Л е о н ъ .

Конечно, другъ мой!

Р о ж е р ъ

Прощай же, малюпка!

Г-ж а С е н ъ - Л е о н ъ .

Ты меня не обоймешь? (*Онъ обнимаетъ ее и выходитъ.*)

Я В Л Е Н І Е 11-ое.

(*Пять минутъ десятиго*)

Г-жа СЕНЬ - ЛЕОНЪ.

Юлія, Юлія! я получу ее завтра!

Ю л і я.

Кого? сударыня.

Г-жа СЕНЬ - ЛЕОНЪ.

Кашемировую шаль.

Ю л і я (*Обнимаетъ ее.*)

Ахъ, сударыня, какъ я рада! Какъ она къ вамъ приспанешъ?

Г-жа СЕНЬ - ЛЕОНЪ.

Тебѣ нужно сходитьъ завтра за моею маленькою песпрою шалью къ той женщинѣ, копорой она ошдана, чшобы вывеспи изъ нея жирныя пятна; я дарю ее тебѣ.

Ю л і я.

Какъ вы добры! но я бы желала посмопрѣть на васъ вашу кашемировую.

Г-жа СЕНЬ - ЛЕОНЪ.

Скажи пожалуйста: г-жа Сень-Фаль, въ печеніе двухъ лѣтъ, копо-

рые она живешъ съ генераломъ, не могла ничего получить!

Ю л і я .

Она будетъ въ опчаяніи.

Г-жа С ен ь - Л е о н ь .

Знаешь ли что? мнѣ вспала на умъ мысль: еще очень рано; несходишь ли намъ къ ней и рассказать эту новость?

Ю л і я .

И въ самомъ дѣлѣ, сударыня! есть опъ чего заставить ее не спать цѣлую ночь.

Г-жа С ен ь - Л е о н ь .

Прекрасно! бѣги одѣвайся; я надѣну между шѣмъ свою шляпку.

(Об ѣ выходятъ .)

Я В Л Е Н І Е 12-ое.

(Вторникъ, вечеромъ, десять часовъ)
Спальня Рожера. - На пегномъ карнизѣ портретъ его жены.

Р О Ж Е Р ь (въ спальномъ колпакѣ. въ нижнемъ платьѣ, готовый лечь) М А Р Г А Р И Т А .

Р О Ж Е Р Ъ.

..... Какъ я перемѣнился со времени смерти моей жены.... вывѣтрила ли пы мою поспель?

М А Р Г А Р И Т А.

Да-съ; она сполла на дворъ цѣлый день.

Р О Ж Е Р Ъ.

Не надобно оставяшь ее тамъ на ночь, пожалуй пойдешъ дождь...

М А Р Г А Р И Т А.

Я внесла ее уже.

Р О Ж Е Р Ъ (*береть часы, чтобы завести ихъ*).

Который часъ на спѣнныхъ?

М А Р Г А Р И Т А.

Теперь..... піеперь.... на нихъ..... да они спали....

Р О Ж Е Р Ъ.

Въ самомъ дѣлѣ! При вчерашней суматохѣ забылъ я завести ихъ. Посмотри, многоли на часахъ въ залѣ.

М А Р Г А Р И Т А.

Десять минушь одиннадцатаго.

Р О Ж Е Р Ъ (*подойдя къ стѣннымъ часамъ.*) На-ка, поддержи колпакъ, да не урони его. (*Онъ заводитъ часы и заставляетъ ихъ бить.*)

М А Р Г А Р И Т А.

Ахъ, Боже мой! я боюсь!

Р О Ж Е Р Ъ.

Что шамъ такое?

М А Р Г А Р И Т А.

Поршрешъ барыни; вообразите себѣ, мнѣ казалось, что она смотритъ на меня.

Р О Ж Е Р Ъ.

Полно, глухая! копорый часъ ты говоришь? одиннадцатаго

М А Р Г А Р И Т А.

Десять минушь - съ.

Р О Ж Е Р Ъ.

Я поставлю стрѣлку на десять минушь съ половиною. Вошь.—Поддай мнѣ колпакъ. Ну, я радъ, что завелъ часы; я люблю когда ночью бьютъ они, какъ проснешься.

М А Р Г А Р И Т А .

Больше вы мнѣ ничего не прикажете

Р О Ж Е Р Ъ .

Нѣтъ—(*Зоветъ ее назадъ*) Ушромъ, къ завпраку, доспаны мнѣ свѣжей салакушки да разбуди меня въ восемь часовъ.

М А Р Г А Р И Т А .

Слушаю - съ. — Милоспивый государь! я хопѣла вамъ доложитъ о цѣвѣ. . .

Р О Ж Е Р Ъ .

Хорошо, хорошо! объ эпомъ завшра; прощай!

(*Маргарита выходитъ.*)

Р О Ж Е Р Ъ .

(*Читаетъ вечерній журналъ.*)

Чорпъ возьми! законы доспигли до большой власпи! Хорошо! bravo, г-нѣ Миниспръ! . . . Съ вашего до-

зволенія опложу я чпеніе вашего
разсужденія до завшра.... мнѣ чрез-
вычайно спашь хочешся....

(Онъ гаситъ ногникъ и засыпаетъ.)

А Д В О К А Т Ъ.

А Д В О К А Т Ъ .

Le Français né malin, créa
la guillotine.

Петръ Леру былъ бѣдный хлѣбопашецъ изъ окрестностей Божанси.

Онъ проводилъ весь день на полѣ, съ тремя лошадьми, соспавлявшими обыкновенную упряжь его сохи, и, при наступленіи вечера, возвращался въ ферму, въ кошорой служилъ; ужиналъ безъ большихъ разговоровъ съ прочими служителями; потомъ зажигалъ фонарь и ложился спать въ сараѣ, на кучѣ сѣна.

Сны его, по большей части, были нескладны и просны, и всегда почти, главными дѣйствующими въ нихъ лицами были его — лошади. Однажды, напримѣръ, проснулся онъ въ испугѣ, силясь поднять упавшую корен-

ную лошадь; въ другой разъ *Стьрко* запутался ногами въ постромкахъ. Однажды, ночью, показалось ему, что онъ привязалъ къ своему кнуповищу прекрасный, новый кнутъ, и что эшопъ кнутъ нисколько не хлопалъ. Эшопъ сонъ пакъ его встревожилъ, что, проснувшись, схватилъ онъ шопъ, который имѣлъ обыкновеніе класъ каждый вечеръ подлѣ себя, и, желая хорошенько увѣриться, не лишился ли онъ въ самомъ дѣлѣ своего достоинства, началъ хлопать имъ изо всей силы. Опъ этого шума встревожилась вся конюшня: испуганные кони вскочили, наткнулись одни на другихъ, заржали и едва не порвали обростей; но нѣсколькими успокоивающими словами успѣлъ *Петръ Леру* укротить все это смятеніе, и все опять успокоилось; это было происшествіе изъ самыхъ замѣчательныхъ въ его жизни; онъ не забывалъ его никогда рассказывать, если спа-

канъ вина возбуждалъ его словоохотливоспъ и если шуптъ находился какой нибудь конюхъ, расположенный его слушать.

Въ тоже время совсѣмъ инаго рода сны занимали господина Дезалльё, помощника Генераль - Прокурора Уголовнаго Суда въ Орлеанѣ. Со славою упражняясь въ должности Адвоката и всшупивъ за нѣскольго мѣсяцевъ до описываемаго нами времени, онъ не слишкомъ уважалъ Судебное мѣсто, въ коемъ служилъ, и парадный нарядъ Хранилеля Печати былъ всегдашнимъ его сновидѣніемъ. Но преимущественно упоеніямъ ораторскаго торжества предавался умъ его во время сна. Славы д'Агессо и другихъ знаменитыхъ судебныхъ ораторовъ недоспапочно было для его жаднаго ума; душа его проникала въ опдаленнѣйшую древность: во времена чудеснаго Демосѣна. Онъ надѣялся прославиться на Адвокатп-

скомъ поприщѣ; въ этомъ заключа-
лись всѣ его желанія, сосредотоочи-
валась вся его жизнь и всѣ юношес-
кія мечпанія.

Однажды эти два человѣка, Пепръ
Леру и Г-нъ Дезальё, сошлись вмѣ-
стѣ. Между ними происходилъ не-
важный споръ: г-нъ Дезальё, засѣдая
въ своемъ судилищѣ, претовалъ, по
нѣкоторымъ незначипельнымъ подо-
зрѣніямъ, головы Пепра Леру, обви-
неннаго въ убійствѣ, а Пепръ за-
щищалъ свою голову прошиву напа-
деній Г-на Дезальё.

Не смотря на необыкновенное не-
равенство силъ, копорыми въ эпой
борьбѣ надѣвила природа прошивни-
ковъ, не смотря на зависимость спра-
ведливости или несправедливости
приговора ошъ какихъ нибудь не-
вѣждъ или предубѣжденныхъ при-
сяжныхъ, за неимѣніемъ убѣдитель-
ныхъ доказательствъ, обвиняемый, по
всей вѣроятности, избѣгъ бы ошъ

рукъ палача, но опъ этого именно недостатка изобличенія происпекалъ поводъ: развишь въ полной мѣрѣ необычайный даръ краснорѣчія Адвоката, что могло весьма много послужить къ осуществленію прекрасныхъ надеждъ его. Старааясь упрочить славу своей будущности, онъ не могъ не воспользоваться симъ случаемъ.

Послѣ этого случилось съ бѣднымъ Пешромъ Леру непріятное происшествіе. Нѣсколько дней до начатія процесса, въ присутствіи многихъ любезныхъ женщинъ, кои находили удовольствіе присутствовать при этомъ дѣлопроизводствѣ, молодой юристъ показалъ твердую увѣренность въ полученіи опъ присяжныхъ смертнаго приговора; кто не можетъ представить себѣ то ужасное положеніе, въ которое онъ могъ впасшь, если не успѣетъ въ своемъ предначертаніи, и если Пешръ Леру, оставшись невредимымъ, съ уцѣлѣвшею на

плечахъ головою, избличитъ ничтожность его краснорѣчія. Не обвиняйте, однако же, этого Адвоката, что онъ не былъ въ томъ совершенно убѣжденъ; онъ чрезъ то надѣялся заслужить тѣмъ большую славу, являясь таковымъ по наружности, и сдѣлашья тѣмъ знаменитѣе всѣхъ Адвокатовъ, явившихся допоздъ въ Орлеанскомъ судилищѣ въ теченіе ста лѣтъ. О! зачѣмъ вы тамъ не были. Посмотрѣли бы вы, какъ расстрогались бѣдняжки присяжные до глубины сердца, когда въ прекрасной рѣчи представлена имъ была ужасная картина нарушенія основаній общественнаго спокойствія и благоустройства общеснѣа, гонимаго разрушиться, ежели не предадутъ преступника наказанію, и, наконецъ, воображаемаго преступленія Пепра Леру. Послушали бы вы, какими взаимными льстивыми похвалами размѣнивались между собою защитникъ и обви-

нипель. Когда Адвокатъ обвиненнаго получилъ право говорить, онъ началъ чистосердечнымъ изъясненіемъ, что не можетъ не удивляться блестящемъ удару краснорѣчія, выказанному господиномъ Адвокатомъ въ присутствіи всего почтеннаго собранія! Послушали бы, какъ Президентъ Судилища выхвалялъ усилія обоихъ Адвокатовъ: защитника и обвинителя, какъ будто дѣло шло о соспязаніи Академическомъ, для полученія награды, а не о лишеніи человѣка жизни! Вы увидѣли бы также посреди толпы дамъ, богато одѣтыхъ, какъ говорили въ одномъ журналѣ, сесипу Г-на Дезальё, осыпаемую поздравленіями отъ всѣхъ дамъ общества, между тѣмъ какъ немного далѣе старый отецъ его плакалъ отъ радости, смотря на несравненнаго сына и орашора, произведеннаго имъ на свѣтъ.

Спустился около шести недѣль пос-

лѣ эпой семейной радости , Пётръ Леру съѣлъ съ палачемъ на шельжку, ожидавшую его у дверей Орлеанской Уголовной тюрьмы. Они вмѣстѣ пріѣхали на Моршроаскую площадь — мѣсто , гдѣ производилась казнь — здѣсь построень былъ эшафопъ и стояло множество народа. Пётръ Леру съ величайшимъ хладнокровіемъ входилъ по лѣстницѣ , ведущей на эшафопъ. Когда онъ достигалъ послѣднихъ ступеней, лучъ солнца, опразившійся на блестящей и полированной стали меча правосудія, блеснулъ ему въ глаза. Пётръ Леру готовъ былъ упасъ, но палачъ съ вѣжливую предупредительностію хозяина , умѣющаго принимать гостей, поддержалъ его и взвелъ на гильошину. Тутъ Пётръ Леру нашелъ Уголовнаго повышчика, которой долженъ былъ прочестъ словесный процессъ осужденнаго. Г. г. жандармовъ, на кошорыхъ возложена была обязан-

носишь смотрѣшь за общественнымъ порядкомъ и Г. г. подчиненныхъ палача, кошорые, ни сколько не оправдывая пословицы, сочиненной на ихъ счетъ, съ большею вѣжливостію показывали Петру Леру, какъ должно лечь подъ лезвіе. Черезъ минушу голова Петра Леру опидѣлилась,—эшо было сдѣлано съ такою ловкостію, что многіе изъ шѣхъ, кои пришли, ччтобы посмотрѣть на это, спрашивали у своихъ сосѣдей: скоро ли спануть рубишь голову пресшупнику и, узнавъ, что экзекуція уже кончилась, они поклялись, что въ другой разъ не спануть и превожнишь себя для шакой бездѣлицы.

Прошло три мѣсяца послѣ того, какъ голова и тѣло Петра Леру были брошены въ землю, и вѣроятно, могила его заключала уже въ себѣ только его кости, когда открылось новое засѣданіе и Г-нъ Дезалльё опять

снать защищать одно уголовное обвинение.

Наканунъ того дня, въ кошорый онъ долженъ былъ говорить по сему случаю рѣчь, онъ рано оставилъ балъ, на кошорый былъ приглашенъ со всѣмъ своимъ семействомъ въ сосѣдній замокъ, и возвращался одинъ въ городъ, чтобы приготовить къ завтрашней рѣчи.

Ночь была темная; теплый, полуденный вѣтеръ печально подувалъ въ полѣ, между шѣмъ какъ шумный говоръ бала раздавался еще въ ушахъ его. Скоро овладѣла имъ необыкновенная задумчивость. Воспоминаніе о многихъ людяхъ, коихъ онъ знавалъ и кошорые умерли, пришло ему въ голову, и, самъ не зная какъ, началъ онъ думать о Петрѣ Леру.

Но когда онъ приблизился къ городу и увидѣлъ огни въ предмѣстьяхъ, но всѣ эшѣ мрачныя мысли начали исчезать; а когда онъ спокойно

расположился у своего письменнаго столика, окруженный книгами и судебными тяжбами, но спать только думашь о своей рѣчи, которую желалъ сочинить краснорѣчивѣе всѣхъ, имъ и не имъ дополь произнесенныхъ

Обвинительная система его была уже почти совсѣмъ приведена въ порядокъ. Замѣтимъ мимоходомъ, что весьма странно, что можно общежительнымъ языкомъ произнести систему обвиненія, т. е. особеннымъ образомъ собрать показанія и доказательства, въ слѣдствіе коихъ можемъ присвоить себѣ голову человека, поочно также, какъ бы представить систему философскую, т. е. собраніе умствованій или софизмовъ, помощію коихъ въ истинномъ свѣтѣ выставляющъ какую нибудь опровергаемую истину, теорію или какое нибудь мечпательное правственное правило. Такимъ образомъ обвинительная система его шла на ладъ, какъ

вдругъ показаніе свидѣтеля, на которое онъ дошолъ не обращалъ вниманія, представилось ему въ такомъ видѣ, что грозило ниспровергнуть все зданіе его увѣренности въ успѣхъ. Онъ, разумѣется, нѣсколько смутился; но, какъ мы видѣли выше, Г-нъ Дезальё въ своихъ дѣйствіяхъ, относящихся къ Адвокатской должности, по крайней мѣрѣ столько же разъ совѣщивался съ своимъ самолюбіемъ, какъ и съ совѣстію. Собравъ все могущее въ своей Логикѣ и всѣ словесныя извѣстія, и склонивъ на свою сторону этого несогласнаго съ нимъ свидѣтеля, онъ не опчаявался включить показаніе его въ число убѣдительнѣйшихъ своихъ доказательствъ. Однакоже работа была прешудная, а ночь проходила.

Ударило при часахъ и свѣчи, стоявшія на его письменномъ столѣ и готовыя погаснуть, изливали мерцающій свѣтъ. Онъ замѣнилъ ихъ

другими, и поелику работа весьма его разгорячила, то онъ нѣсколько разъ обошелъ комнашу, и потомъ опять сѣлъ въ кресла, опершись на спинку, и въ эшомъ положеніи смопрѣлъ въ окно, находившееся противъ него, на блестящія звѣзды. Пробѣгая глазами по всему окну, замѣтилъ онъ, что за окномъ смопрятъ на него пристально два глаза; полагая, что это опблескъ свѣчей, онъ передвинулъ ихъ; но видѣніе сдѣлалось отъ этого еще гораздо явственнѣе. Будучи не прусливаго десятичка, онъ вооружился проспью—единственнымъ оружіемъ, подлѣ него находившимся—и пошелъ открывать окно, чтобы узнать, что это за смѣльчакъ, дерзнувшій наблюдать за его поступками въ такое время. Комната, въ коей онъ находился, была въ претѣемъ или въ четвертомъ этажѣ; надъ нимъ и подъ нимъ стѣна была непреступна и не доставляла никакого средства взлѣзати или спу-

скапьяся по ней: въ узкомъ пространствѣ между окномъ и балкономъ ничто не могло опъ него укрыпьяся, и не смотря на то, онъ ничего не видѣлъ. Онъ снова подумалъ, что былъ игралищемъ одной изъ шѣхъ фантазій, кои порождаютъ опьяненіе чувствъ во время ночи, и, смѣясь, принялся опять за свою работу. Но не успѣлъ онъ написать и двадцати строкъ, какъ въ шемномъ углу его кабинета нѣчто зашевелилось: это начало его беспокоить; ибо невозможно было, чтобы чувства его, одно за другимъ, спали его обманывать. Посмотрѣвъ на эпопъ разъ внимательно, и желая узнать, что производило эпопъ шорохъ, онъ замѣтилъ, что нѣчто черноватое приближалось къ нему неровными скачками, подобно сорочьимъ. По мѣрѣ приближенія призрака, видъ его становился отвратительнѣе, ибо онъ принималъ видъ человѣческой, опдѣ-

ленной опшъ шуловища, головы, забрызганной кровью; когда же тяжелымъ прыжкомъ она вдругъ спала между двухъ свѣчей, на разбросанныхъ бумагахъ его тяжбнаго дѣла, тогда Г-нъ Дезалльё узналъ черты Петра Леру, который, вѣроятно, пришелъ объявить ему, что совѣсть въ судилищѣ цѣнилася дороже краснорѣчія. Пораженный невыразимымъ ужасомъ, онъ упалъ въ обморокъ. На утро нашли его, распростертаго безъ чувствъ, среди ручьевъ крови, текущей въ комнапъ, по письменному столику и даже по листамъ его рѣчи: думали, и онъ не старался вывести ихъ изъ заблужденія, что съ нимъ случился геморроидальный припадокъ. Безполезно прибавлять, что онъ не былъ въ состояніи говорить рѣчь, и что всѣ его ораторскія приготовленія остались бесполезными.

Прошло много дней, прежде неже-

ли воспоминаніе объ эпой ужасной ночи изгладилось изъ памяти его, много дней, прежде нежели онъ могъ безъ ужаса оспавашься одинъ въ темнотѣ и уединеніи. По испеченіи, однако, нѣсколькихъ мѣсяцевъ, такъ какъ призракъ не появлялся снова, то твердость ума начала сопротивляться увѣренію чувствъ, и онъ снова возмнилъ, что онъ былъ ими обманутъ. Чтобы лучше увѣришься въ справедливости этого положенія, для подтвержденія коего недоспапочно было однако всѣхъ его умспвованій, онъ вздумалъ посовѣпавашься съ своимъ медикомъ, и повѣрилъ ему свое приключеніе. Медикъ, который, изъ часпаго созерцанія мозга не извлекъ ни малѣйшаго признака чего-нибудь походившаго на душу, и достигнулъ наконецъ до ученаго убѣжденія въ материализмъ, не преминулъ засмѣяпьясь громко, слыша рассказъ о ночномъ видѣніи Адвоката. Эшо, можешъ

быть, было лучшее средство излечить больного; ибо такимъ образомъ, показывая видъ насмѣшки надъ занимающимъ его предметомъ, онъ принуждалъ, такъ сказать, его самолюбіе участвовать въ разувѣреніи. При томъ же, какъ можно и думать, онъ не затруднился объяснить этого видѣнія Г-ну Дезальё излишнимъ расширеніемъ мозговой жилки, сопровождаемымъ приваломъ и сгущеніемъ крови, которое содѣлало, что онъ видѣлъ то, чего не видалъ. Доспачно разувѣренный этимъ совѣщаніемъ, котораго не опровергло ни какое приключеніе, Г-нъ Дезальё мало - по - малу возвратилъ свою веселость духа и всѣ почти привычки; онъ смягчилъ ихъ только въ томъ, что работалъ уже съ меньшимъ напряженіемъ силъ, и слѣдуя совѣщаніямъ доктора, болѣе сталъ предаваться свѣтскимъ развлеченіямъ, коихъ до того вовсе почти избѣгалъ.

Занимающемся ученіемъ челоуѣку, здоровье котораго принуждаетъ его являться въ обществахъ, только тѣмъ могутъ сдѣлать положеніе его сноснымъ, если примутъ его по возможности искренно; но такимъ образомъ всего легче можно произвести въ челоуѣкѣ склонность къ удовольствіямъ. Есть въ поступкахъ, самыхъ незначительныхъ, не знаю, какая-то прелесть, какое-то утѣшеніе, если за нихъ примутся, какъ слѣдуетъ; припомъ же, послѣ всего этого нѣтъ, можетъ быть, челоуѣка, такой истинно возвышенной природы, чтобы занятіе, нравящееся, пакъ называемому, обществу, п. е. всему свѣту, не могло бы развлечь его въ свою очередь, если онъ не слишкомъ совѣшуется съ своею важностію и благоразуміемъ.

Женщины, въ этомъ случаѣ, хорошо и съ оспорожносію употребленныя, могутъ сдѣлаться превос-

ходнымъ развлеченіемъ ; и никакъ сполько, какъ Г-нъ Дезальё, не былъ расположенъ увѣришься въ эпомъ; ибо, не говоря о нѣкоторыхъ преимущественвахъ наружности, слава его оряторскихъ успѣховъ и можетъ бышь, что еще болѣе, незначительныя старанія его: успѣшь и въ другомъ въ чемъ нибудь, сдѣлали его у многихъ женщинъ предметомъ ихъ часпыхъ размышленій.

Но въ его образъ жизни заключалось нѣчто, слишкомъ положительное для того, чтобы онъ согласился дать въ оной безусловное мѣсто для женщины. Исчисляя особъ, которыхимъ онъ, казалось, былъ не противень, онъ разсуждалъ о томъ: которая изъ нихъ будетъ для него выгоднѣе и принесетъ съ собою, подъ видомъ супружества, болѣе денегъ, выгодное родство и другія общественныя пользы. Начертавъ такимъ образомъ первую часть сво-

его романа, онъ увидѣлъ съ радостію, что невѣста, которая доставитъ ему все эшо, была молодая, прекрасная дѣвица, образованная и умная, и тогда онъ началъ любить ее со всевозможнымъ неистовствомъ, къ ко-ему былъ способенъ, съ согласія и благословенія его отца и матери, покуда, наконецъ, послѣдовала свадьба.

Давно уже не видалъ Орлеанъ прелестнѣйшей невѣсты; давно уже Орлеанъ не видалъ семейства, благополучнѣе семейства Г-на Дезаллье; давно уже Орлеанъ не видалъ столь веселаго и блистательнаго свадебнаго бала, каковъ былъ балъ у Г. Дезаллье.

И онъ самъ, въ эшотъ вечеръ, оставилъ въ покоѣ будущность свою и жилъ въ настоящее. Увлеченный въ уголъ зала однимъ просителемъ, избравшимъ эшо время, чтобы поговорить о своей тяжбѣ, онъ посмащивалъ по временамъ на спѣнные часы, на коихъ было часъ и при

четверти; онъ замѣшилъ также, что уже два раза послѣ полночи, мать молодой подходила къ ней и шептала ей что-то на ухо, на что сія послѣдняя отвѣтствовала сердитымъ видомъ, и танцовала съ разсѣянностію. Вдругъ, послѣ конпръ-данса, онъ замѣшилъ по шопопу, пробѣжавшему въ обществѣ, что случилось что-нибудь особенное. Между тѣмъ, какъ просипель все еще говорилъ, онъ бросилъ взглядъ на мѣсна, кошорья занимали его жена и ея подружки во весь вечеръ; онъ увидѣлъ ихъ незанятыми. Тогда важный спрапчій поступилъ подобно всѣмъ прочимъ людямъ: давъ крапкѣй отвѣтъ своему неопвязному просипелю, онъ приблизился ловко къ дверямъ комнапы, и въ ту минушу, когда слуги входили съ разными закусками, онъ вышелъ тихонько, полагая, что никто того не замѣшилъ; но это было невозможно;

ибо съ самой поей минушы , когда новобрачная оставила собесѣдниковъ , всѣ дѣвицы , опгь осьмнадцать до двадцати лѣтъ , не выпускали ни на мигъ изъ виду новобрачнаго .

Входя въ брачную комнату , онъ вспрѣшилъ свою пещу , выходящую опшуда съ поѣзжаными (коихъ присутствіе было необходимо при уложеніи новобрачной) , и нѣсколько свахъ , присоединившихся къ этому шествію . Распроганнымъ голосомъ и крѣпко сжавъ ему руку , пеща сказала ему тихонько нѣсколько словъ ; замѣтно было , что она говорила ему о дочери . Г-нъ Дезалльё отвѣчалъ немногими , но нѣжными словами и улыбкою ; онъ вѣрно въ эту минуту не думалъ о Пепрѣ Леру .

Когда онъ запиралъ дверь въ своей спальнѣ , тогда новобрачная уже спала ; по неизвѣстному ему распоряженію , она была закрыта занавѣсами

кровати; не слышно было ни малѣйшаго шума.

Торжественность этой тишины, неожиданное препятствіе, причиненное занавѣсью, для открытія коей требовалось нѣкошорое дипломатическое знаніе, удвоили въ новобрачномъ замѣшательство, шѣмъ болѣе понятное, что онъ рѣдко находился въ подобныхъ обстоятельствахъ, и не умѣлъ приняться за дѣло, какъ должно устранить неожиданныя препятствія. Сердце его сильно билось и дрожь пробѣгала по всѣмъ членамъ, когда онъ сморгнулъ на плашье и на брачныя украшенія, разбросанныя въ прелестномъ безпорядкѣ. Онъ звалъ новобрачную не твердымъ голосомъ. Не получивъ отвѣта, онъ опошелъ, можетъ быть, чтобы выиграть время, къ дверямъ, и снова увѣрился, что онъ крѣпко запершы; пошомъ, приближась къ постели, онъ тихонько открылъ занавѣсь.

всегда опъ непріятнаго гостя , его посѣщающаго.

Но мысль о брачной ночи, шеперь его занимающая , не дозволяла ему помыслишь объ эпоть благочеспи-вомъ дѣлѣ. Съ сердцемъ, воспламененнымъ желаніями , онъ почувствоваль въ себѣ довольно силы, чшобы вступитъ въ открьшую борьбу съ призракомъ, оспоривающимъ у него новобрачную и онъ вознамѣрился схватитъ его за волосы и выброситъ изъ комнаты. По движенію его , голова поняла его намѣреніе и спрашно оскалила зубы ; а шакъ-какъ онъ неоспорожно пропянулъ руку , то голова глубоко укусила ее ; эта рана увеличила полько ярость храбраго супруга; онъ оглянулся , чшобы найти какое нибудь оружіе , схватилъ въ каминѣ желѣзную перекладину, служащую къ поддерживанію головней, и ударяя ею изо всѣхъ силъ нѣсколько разъ по постели , старался

умертвить смерть и испребить страшнаго врага своего. Но дѣло шло какъ въ кукольной комедіи, гдѣ Полишинель, разными прыжками, уклоняется опть наносимыхъ ему палочныхъ ударовъ. Каждый разъ, когда поднималась перекладина, голова дѣлала удачный прыжокъ въ сторону и оставляла удары щечными. Это продолжалось нѣсколько минутъ, покуда, бросаясь чрезъ плечо своего противника, голова исчезла позади его, и онъ ни какъ не могъ опыскашь оную, ниже догадаться, куда она могла уйти.

Послѣ тщательнаго обыска, когда онъ увѣрился, что остался побѣдителемъ, онъ возвратился къ женѣ своей, которая, во время этого боя, чудеснымъ образомъ продолжала спать, и, не смотря на безпорядокъ *Гименева* *ложка*, на коемъ голова оставила нѣсколько кровавыхъ пятенъ, онъ былъ готовъ занять въ немъ мѣсто

перестала еще вытекать чрезъ большой проломъ въ лѣвомъ вискѣ.

Предоставляемъ физиологамъ изъяснить эпопѣ феномень ; но видя, что умертвилъ свою жену, онъ впалъ въ неукрошимый припадокъ смѣха, который продолжался до того времени , когда его теща постучалась въ двери, желая узнать, какъ супруги провели ночь. Его ужасная веселость умножилась еще болѣе , когда онъ узналъ голосъ матери покойной. Онъ поспѣшилъ отворить ей дверь, схватилъ ее за руку, и припащивъ къ постели, чтобы она насладилась симъ прекраснымъ зрѣлищемъ, удвоилъ свой, душу раздирающій, смѣхъ , который укропился только тогда, когда имъ овладѣла ужасная икота.

Всѣ жители дома, прибѣжавъ на крикъ , который испустила бѣдная мать, прежде нежели лишилась памяти , сдѣлались свидѣтелями этой ужасной сцены, и слухъ о ней топ-

часъ достигъ до ушей всѣхъ жителей города. Того же утра, по приказанію Генераль-Прокурора, отвели Г-на Дезалльё въ Орлеанскую Уголовную тюрьму, и въ послѣдствіи замѣтили, что темничная каморка, которую онъ занималъ, была та самая, въ которой жилъ Пётръ Леру въ ожиданіи казни.

Конецъ Адвоката былъ однако не столь трагическій.

По единогласному приговору докторовъ, признанъ былъ онъ бѣшенымъ и ума лишеннымъ; и шопъ, который почипалъ себя созданнымъ для удивленія всего свѣта своимъ краснорѣчіемъ, былъ отправленъ въ домъ сумасшедшихъ.

Тамъ, закованнаго въ цѣпи, содержали его въ темной каморкѣ около шести мѣсяцевъ; къ концу этого времени, онъ не показывалъ болѣе никакого признака бѣшенства; съ не-

го сняли тогда цѣпи и начали содержать получше прежняго.

Какъ скоро получилъ онъ свободу въ дѣйствіяхъ, то овладѣлъ имъ чудный припадокъ, копорый до самой кончины не оставлялъ его: ему казалось, что онъ танцовщикъ на канашѣ, и въ самомъ дѣлѣ прыгалъ съ утра до вечера съ жестами и движеніями человѣка, пляшущаго на канашѣ.

Одному Орлеанскому книгопродавцу вздумалось собрать въ одну книгу рѣчи, произнесенныя имъ во время краткаго его орапорскаго поприща. Три изданія сихъ рѣчей уже раскуплены; нынѣ издатель печатаетъ четвертое.

ИСПАНСКІЙ ГРАНДЪ.

ИСПАНСКІЙ ГРАНДЪ.

Въ походъ, предпринятый въ 1825 году Королемъ Людовикомъ XVIII, для спасенія Фердинанда VII отъ конспирціоннаго правленія, находился я случайно въ Туръ, на обратномъ пути моемъ изъ Испаніи.

Наканунъ отъѣзда, былъ я на балу у одной изъ прекраснѣйшихъ и любезнѣйшихъ женщинъ этого города, въ кошоромъ умѣюшъ веселились лучше, нежели въ какомъ нибудь другомъ губернскомъ городѣ; и не задолго до ужина — ибо въ Туръ еще ужинаюшъ — я присоединился къ толпѣ бесѣдующихъ, посреди коихъ человекъ, мнѣ незнакомый, рассказывалъ какое-то приключеніе.

Ораторъ, весьма поздно пришед-

шій на балъ, вѣроятно объѣдалъ у главнаго казначея. Вошедъ въ общество, онъ сѣлъ къ столу, на коемъ играли въ экартэ; попомъ *спасовавъ* нѣсколько разъ, къ большому удовольствію своихъ прошивниковъ, кои *сторона* выигрывала, онъ вспалъ, обыгранный Карабинернымъ подпоручикомъ, и, дабы ушѣшишься, принялъ участіе въ разговоръ объ Испаніи, обыкновенномъ предметѣ тысячи бесполезныхъ разсужденій.

Во время разсказа расмапиривалъ я съ невольнымъ учасціемъ лице и всю фигуру раскащика. Онъ былъ однимъ изъ шѣхъ тысячеобразныхъ существъ, кои походятъ на сколько же изображеній, такъ что наблюдать оспаенся въ нерѣшимости, и не знаетъ, должно ли ихъ причислить къ неизвѣстнымъ людямъ съ геніемъ, или къ низкимъ инпригантамъ.

Онъ былъ украшенъ красною лен-

пою: этопъ знакъ опличія нынѣ уже рѣдко кому внушаетъ почтеніе, на немъ было зеленое плащье, а я не люблю зеленого бальнаго плащья, когда мода повелѣваетъ всѣмъ носить здѣсь чернос; на башмакахъ у него были маленькія спальные пряжки, вмѣсто банта изъ ленты; исподнее плащье было изъ совсѣмъ изношеннаго казимира; галстухъ худо повязанъ,—словомъ, я замѣтилъ, что онъ очень мало занимается своимъ шуалетомъ: онъ, можетъ быть, арписъ, подумалъ я.

Голосъ и пріемы его имѣли, не знаю, что-то слишкомъ обыкновенное, и лице его, на коемъ ясно изображались слѣды пруднаго пищева-ренія, ни какою опличною черпою не возвышало всей его фигуры; онъ имѣлъ открыпый лобъ и былъ плѣшивъ. Судя по всѣмъ этимъ признакамъ, я былъ въ сомнѣніи, считать ли его за Совѣтника Префек-

туры или за општавнаго военнаго комиссара, — какъ вдругъ , видя его подающаго одному сосѣду руку по судейски , записалъ его въ классъ приказныхъ , подъячихъ и писцовъ.

Наконецъ я вдругъ убѣдился въ истинѣ моего замѣчанія , видя , что его слушаютъ только для его разсказа ; никто изъ слушателей не обращалъ на него ниго подобострашнаго вниманія и тѣхъ угодливыхъ взоровъ , кои составляютъ преимущества людей высоко цѣнимыхъ.

Я не знаю, смѣприше ли вы охотно на челоуѣка, безпрестанно набивающаго себѣ носъ табакомъ; говорящаго съ проворствомъ людей, кои спѣшашъ окончить свой разсказъ , опасаясь , чтобы ихъ не оставили ; который , впрочемъ , выражаешся съ большою легкостью , хорошо разсказываетъ и живо описываетъ.

Чтобы избавишь васъ отъ скуки дисгрессій , я приму смѣлосшь пре-

дать его рассказъ въ слогъ повѣствовательномъ и придашь ему ту необходимую дидактическую форму въ рассказахъ, кои ошъ домашнихъ разговоровъ переходяшъ въ печальное состояніе.

Вскорѣ послѣ прибытія въ Мадридъ, пригласилъ Великій Герцогъ Беррійскій знашнѣйшихъ особъ этого города на Французскій праздникъ, данный войскомъ въ честь новозавоеванной столицы. Не смотря на блистательное общество, Испанцы были шамъ не слишкомъ веселы; жены ихъ шандовали мало; вообще госпи играли, проигрывали или выигрывали много.

Дворцовые сады освѣщены были довольно блистательно для того, чшобы дамы могли прогуливаться въ нихъ также безопасно, какъ среди бѣлаго дня... Праздникъ былъ великолѣпнъ; не щадили ни денегъ, ни забавъ, съ тою цѣлю, чшобы

дать Испанцамъ высокое мнѣніе объ Императорѣ, если бы они спали судишь о немъ по его полководцамъ.

Въ рощицѣ, довольно близкой ко дворцу, разговаривали во второмъ часу утра нѣсколько Французскихъ офицеровъ о превратности счастія и о малонадежной будущности, въ чемъ увѣряло ихъ самое расположеніе духа Испанцевъ, присутствовавшихъ на этомъ блистательномъ праздникѣ.

—»Вчера—сказалъ одинъ Французъ, коего коспюмъ показывалъ главнаго хирурга какого нибудь армейскаго корпуса,—вчера просилъ я настоятельно Короля Мюрата перевести меня въ другое мѣсто. Хотя я и не боюсь, шочно, оставить кости свои на этомъ полуостровѣ, но предпочитаю обязанность: перевязывать раны, нанесенныя нашими добрыми сосѣдями - Нѣмцами; ихъ оружіе не такъ далеко входитъ въ шуловище,

какъ Каспильянскіе кинжалы.
 Припомъ же я спрашусь Испаніи ,
 какъ будіпо привидѣнія. Съ ма-
 лолѣтства чишаю я Испанскія кни-
 ги , сборище мрачныхъ происшесшій
 и тысячи разказовъ объ эшой землѣ ,
 кои меня сильно предубѣдили про-
 тивъ нравовъ ея жишелей. Какъ
 вы думаете , со дня вспушенія въ
 Мадридъ , мнѣ случилось уже , по-
 добно героямъ чипанныхъ мною по-
 вѣстей , бытъ сообщникомъ какой-
 то гибельной интриги , шоль же
 таинственной , шоль же мрачной ,
 какъ въ любомъ романѣ Леди Рад-
 клифъ. Но такъ-какъ предчув-
 ствія никогда меня не обманываютъ ,
 шо я навѣрно завтра опправляюсь. . . .
 Мюрапъ не откажетъ мнѣ въ моей
 просьбѣ ; ибо , благодаря тайнымъ
 услугамъ , нами оказываемыми , мы все-
 гда имѣемъ сильныхъ прокровише-
 лей. . . .

— Коли началъ врать , такъ до-

вирай!... ты возбудилъ мое любопытство!..... вскричалъ одинъ шаринный Республиканецъ, который не былъ разборчивъ въ выраженіяхъ.

Главный хирургъ осматрѣлся тщательнѣе, стараясь распознать лица офицеровъ, его окружающихъ, и увѣрившись, что по близости нѣтъ ни одного Испанца, сказалъ:

— Такъ-какъ здѣсь одни только Французы, то я расскажу съ охотою, полковникъ Шарренъ...

— Дней шестъ тому назадъ, возвращаясь я спокойно домой, около одиннадцати часовъ вечера, простившись съ генераломъ Лашуръ, коего квартира отстоялъ отъ моей не болѣе, какъ на сто шаговъ; мы оба вышли отъ Оберъ-Кригсъ-Комиссара, гдѣ провели довольно веселый вечеръ..... Вдругъ, при поворотѣ въ переулокъ, бросающа на меня два незнакомца, или, лучше сказать, два

дьявола, схватываютъ меня и закутываютъ мою голову въ широкій плащъ, также и мои руки... Вообразите себѣ мое положеніе... я кричалъ какъ собака, которую бьютъ, но плащъ задушалъ мой голосъ; потомъ меня посадили въ коляску, которая помчалась съ неимоверною скоростію, и когда мои провожатые освободили меня отъ проклятаго плаща, тогда услышалъ я твердый голосъ женщины, которая сказала мнѣ на изломанномъ Французскомъ языкѣ:

— Если вы кричите, или попытаетесь убѣжать, если сдѣлаете малѣйшее подозрительное движеніе, то Г-нъ, который сидитъ на супрошивъ васъ, въ соспояніи заколотъ васъ безъ сожалѣнія. И такъ, оставьте васъ быть спокойными. Теперь изъясню я вамъ причину вашего похищенія... Если вы поспешите протянуть руку ко мнѣ, то

найдеши между нами свои хирургическіе припасы, за коими мы послали къ вамъ опѣь вашего имени. Мы веземъ васъ въ домъ, гдѣ ваше присуствіе необходимо..... дѣло идетъ о спасеніи чести женщины. Она готова родить ребенка, коимъ подаритъ своего любовника, безъ вѣдома мужа. Не смотря на то, что эпопѣ послѣдній почши никогда не оставляетъ своей жены, пошому что сипрасно въ нее влюбленъ, и спорожитъ ее со всѣмъ вниманіемъ Испанской ревности: она однако умѣла скрыть опѣь него свою беременносѣ. Онѣ почитаетъ ее больною. Мы веземъ васъ, чпобы вы помогли ей при родахъ. Изъ сказаннаго мною вы видиде, что вамъ опасаться нѣчего; только повинуйтесъ намъ, въ противномъ случаѣ, любовникъ ешой женщины, копорый сидитъ здѣсь, насупротивъ васъ, и не знаетъ ни одного слова по-Французски, при-

малѣйшей неосторожности, заколешь васъ.

— А вы сами кто такія? . . . спросилъ я, ища руку моей собесѣдницы, закрытую рукавомъ мундира. . . .

. Я горничная эпой Г-жи, ея повѣренная и гошова сама вознаградишь васъ, если вы добровольно согласитесь помочь намъ.

— Охотно! . . . сказалъ я; видя себя невольно впушаннаго въ опасное приключеніе.

Тогда, благопріятствуемый темнотою, повѣрилъ я: согласны ли формы шѣла горничной со всѣми надеждами, кои внушала мнѣ ея звучный, сладкій голосъ и ея.

Вѣроятно горничная уже заблаговременно приготовилась къ подобнымъ приключеніямъ при этомъ странномъ похищеніи; ибо она хранила самое предубѣдительное молчаніе, и коляска не кашилась еще и десяти минушъ по улицамъ Ма-

дрипа, какъ она получила и возвратила мнѣ страспный поцѣлуй. . . .

Господинъ, сидѣвшій насупротивъ меня, не обидѣлся нѣсколькими толчками, коими я его невольнo надѣлялъ; но такъ-какъ онъ не зналъ по-Французски, по я предполагаю, что онъ не обратилъ на это вниманія.

— Я могу бытьъ вашею любовницею, только съ однимъ условіемъ, сказала мнѣ горничная на нѣжности, кошорья ей распочалъ я, увлеченный пыжкостію нечаянной спраспи, кошорой все преияпствовало.

— А какое именно ?

— Чтобы вы никогда не спарались узнать, кому я принадлежу. . . . Я буду приходить къ вамъ ночью, и вы должны принимашь меня въ шемногѣ.

При эшихъ словахъ коляска осшановилась у садовой спѣны.

— Позвольте мнѣ завязать вамъ глаза! . . . сказала горничная; но не

бойтесь, вы не подвергнетесь никакой опасности... оприщесь на мою руку—я поведу васъ....

Потомъ она крѣпко завязала мнѣ глаза.

Я слышалъ шелеснь ключа, который оспорожно вкладывалъ въ замокъ садовой калитки мой молчаливый сосѣдъ, и вскорѣ потомъ повела меня горничная по усыпаннымъ пескомъ аллеямъ большого сада, до нѣкопорого мѣста, на которомъ она оспановилась. По шуму шаговъ нашихъ, я полагалъ, что мы находимся предъ домомъ.

— Теперь ни слова!... сказала она мнѣ на ухо, будьте оспорожны!... Не прозвѣвайте ни одного изъ моихъ движеній; ибо я болѣе не могу говорить съ вами, безъ опасности для насъ обоихъ: въ эту минуту дѣло идетъ о вашей жизни.

Потомъ она прибавила тихо:

— Г-жа моя находится въ комнашѣ нижняго жилья; чптобы туда доспигнуть, должны мы пройши чрезъ спальню и мимо постели ея мужа; и такъ не кашляйте, спуните пихонько и прямо слѣдуйте за мною, чптобы не толкнушь какой-нибудь мебели или спунить вмѣсто ковра, копорый я разосплала по полу, на самый полъ.

Тутъ любовникъ произнесъ довольно громко ругательство, какъ человекъ, копорый досадуеть на замедленія. Горничная замолчала; я слышала, какъ отворилась дверь; я почувствовалъ теплый комнатный воздухъ, и мы пошли на цыпочкахъ, какъ добрые воры.

Наконецъ нѣжная рука горничной сняла съ глазъ моихъ повязку.

Я очутился въ большой комнашѣ, въ первомъ этажѣ, худо освѣщенной однимъ дымнымъ ночникомъ; окно

было отворено ; но ревнивый мужъ заколошилъ оное толстыми желѣзными брусьями ; я былъ какъ въ западнѣ.

На полу , на пуховикѣ , лежала прелестнѣйшая женщина , голова которой закрыта была мусселиновымъ покрываломъ , но чрезъ которое блистали , подобно звѣздамъ , пылнителие глаза , омоченные слезами. Она сильно зажимала ротъ батисповымъ плашкомъ , и кусала его такъ сильно , что разорвала его зубами. . . .

Никогда не видывалъ я прелестнѣйшаго шѣла , но это шѣло теперь судорожно кривлялось отъ боли , шакъ , какъ извивающаяся струна арфы , брошенная въ огонь. Несчастливая образовала изъ ногъ своихъ , упираясь оными въ комодъ , нѣкошорый родъ свода , а руками держалась за ручки стула ; всѣ жилы ея чрезвычайно раздулись. Такимъ образомъ походила

она на пресступника, находящагося въ смершельныхъ мученіяхъ пышки.

Впрочемъ она не испускала ни малѣйшаго крика; не слышно было никакого шума, кромѣ глухаго преска костей ея, и мы всѣ шрое стояли въ безмолвіи. . . . въ неподвижности.

Храпѣніе мужа раздавалось съ утѣшительною правильностію. . .

Я хотѣлъ разсмотрѣть горничную; но она опять надѣла маску, которую сняла, вѣрояшно, въ дорогѣ, и я видалъ только два черныхъ глаза. Любовникъ былъ также замаскированъ. Когда онъ вошелъ, то набросилъ пошчасъ на ноги своей любезной просшыню и вдвое сложилъ мусселиновое покрывало, закрывающее лице ея.

Тщашельно разсмотрѣвъ даму я узналъ, по нѣкопорымъ признакамъ, уже прежде мною замѣченнымъ въ одномъ несчастномъ приключеніи моей жизни, что ребенокъ мертвъ;

тогда я наклонился къ горничной, чтобы объявить ей объ этомъ.

Въ эту минуточку недовѣрчивый незнакомецъ выхватилъ свой кинжалъ; но я успѣлъ уже все сказать горничной, которая поспѣшно сказала ему нѣсколько словъ.

Услыша это, любовникъ былъ объявъ судорожнымъ сопрясеніемъ, которое пробѣжало отъ ногъ до головы, подобно молніи, и мнѣ показалось, что лице его поблѣднѣло подъ черною шелковою маскою.

Избравъ минуточку, когда этошъ человекъ въ опчаяніи смотрѣлъ на умирающую, которая вся посинѣла, горничная показала знакомъ на два спакана лимонаду, совсѣмъ гошovýchъ, стоящихъ на столѣ, сдѣлавъ при томъ отрицательное движеніе.

Я понялъ, что должно удержаться и не пить, не смотря на ужаснѣйшій жаръ, отъ котораго я вспотѣлъ необыкновенно.

Вдругъ любовникъ , имѣя жажду схватилъ одинъ изъ эпихъ сипкановъ и вышилъ почти половину лимонада, въ немъ находящагося.

Въ эту минушу дамою владѣли сильныя конвульсіи, кои показали мнѣ, что крипическій часъ насталъ. Взявъ ланцетъ , я пустилъ ей довольно удачно кровь изъ правой руки. Горничная принимала въ салфетки кровь , избыточно струящуюся; тогда незнакомка впала въ обморокъ, благопріятный для моей операціи... Я вооружился мужеспвомъ, и наконецъ , послѣ одно-часовой работы , извлекъ по кускамъ мертваго ребенка.

Испанецъ не желалъ уже отпра-влять меня , видя , что я спасъ его любовницу ; онъ плакалъ подъ маскою , и крупныя слезы упали по временамъ на его плащъ.

Женщина ни разу не вскрикнула ; но кусала плапокъ , дрожала подоб-

но дикому звѣрю, и крупный попъ спурился по пѣлу ея.

Въ эту чрезвычайно крипическую мину спѣлала она усилие и показывала на комнапу своего мужа; онъ переворачивался на постели; изъ всѣхъ насъ одна она слышала шорохъ проспынь и спихій прескъ постели.

Мы оспановились; любовникъ и горничная бросали другъ на друга огненные взгляды.... Пользуясь этимъ замѣшательствомъ, я просянулъ руку, чшобы взять стаканъ, недопитый незнакомцемъ; но сей, думая, чшо я хочу взять полный, прыгнулъ споль же легко, какъ кошка, и положилъ длинный кинжалъ на отравленный лимонадъ. Онъ далъ мнѣ свой, сдѣлавъ знакъ головою, чшобы я его допилъ. Въ этомъ знакѣ и въ его живомъ движеніи находилось сполько выразительности, мыслей и чувствованій, чшо я про-

щаль ему почти безчеловѣчныя распоряженія его, принявъ, чтобы умершвишь и погребсти на вѣкъ всякое воспоминаніе объ эпомъ приключеніи.

Онъ пожалъ мнѣ руку, когда я напился; попомъ, сдѣлавъ судорожное движеніе, онъ самъ спарашельно завернулъ оспашки своего дитяши, и когда, послѣ двухъ-часовой болязни мы съ горничною уложили больную, онъ снова пожалъ мнѣ руку и, безъ моего вѣдома, сунулъ въ мой карманъ нѣсколько брильяншовъ. Но, мимоходомъ скажу, что я не пользовался богащымъ подаркомъ его, попому, что мой служитель укралъ ихъ у меня на другой день и убѣжалъ, обогащенный на вѣкъ.

Я сказалъ на ухо горничной, какія оставалось еще употребить мѣры; попомъ изъявилъ желаніе выйти отшуда. Горничная осталась у своей госпожи, это не удостовѣря-

ло меня въ моей безопасности, и я рѣшился быть оспорожнымъ. Любовникъ завязалъ въ узелъ мертваго ребенка и простыни, замаранныя кровью его любовницы; попомъ связалъ его крѣпко на крѣпко и спрячалъ подъ плащъ; попомъ повелъ рукою по глазамъ моимъ, чшобы я ихъ закрылъ, и вышелъ первый, сдѣлавъ знакъ, чшобы я держался за его плащъ, чшо я и сдѣлалъ, бросивъ послѣднй взглядъ на горничную. Она сорвала свою маску, видя, чшо Испанецъ вышелъ, и показала мнѣ прелестнѣйшее лице.

Я, комнату за комнатою, проходилъ по слѣдамъ любовника, и когда очутился въ саду, на чистомъ воздухѣ, то, признаюсь, дышалъ, какъ будто грудь мою освободили отъ огромной тяжести. Я слѣдовалъ въ почтительномъ разстоянн отъ моего провожающаго, спорожа

его малѣйшія движенія съ величайшимъ вниманіемъ.

Дошедъ до калитки, онъ взялъ меня за руку и приложилъ къ губамъ моимъ кольцо, которое прежде замѣнилъ я на палецъ его лѣвой руки. Я понялъ всю важность этого краснорѣчиваго знака.

Мы вышли на улицу, и, вмѣсто повозки ожидали насъ двѣ верховыя лошади. Мы сѣли на нихъ; Испанецъ схватилъ поводъ моей лошади лѣвою рукою, а поводъ своей лошади зубами, потому что онъ въ правой рукѣ держалъ окровавленный узелокъ, и мы пустились съ быспропою молніи. Мнѣ невозможно было замѣнить малѣйшаго предмета, который бы могъ мнѣ послужить указателемъ дороги, по коей мы ѣхали. Около разсвѣта подѣхали мы къ моему дому—и Испанецъ ускакалъ, направляя шупъ свой къ Апошскимъ воротамъ.

— Неужели вы ничего не замѣни-

ли шакого , почему бы вы могли узнать женщину , у коей были ? спросилъ у хирурга одинъ офицеръ .

— Только одно возразилъ онъ : когда я пускалъ кровь незнакомкѣ , то замѣшилъ на рукѣ ея , почти по срединѣ , родимое пятнышко , величиною съ горошинку , обросшее темными волосами кромѣ того , пальцы показались мнѣ безконечными , фасаду не видно было конца

Въ эпю минушу замолчалъ болшлвый хирургъ и поблѣднѣлъ . Глаза всѣхъ обратились на него и послѣдовали по направленію его очей , и всѣ собесѣдники увидѣли одного , завернушагося въ плащъ , Испанца , коего огненный взглядъ блиспалъ въ темнопѣ изъ-за померанцоваго куспа , въ коемъ скрывался незнакомецъ .

Подслушивавшій исчезъ топчасъ съ легкостію Сильфа , когда молодой подпорупчикъ бросился на него .

— Клянусь , друзья мои , вскричалъ

хирургъ , эпошь взоръ василиска оледенилъ меня. Въ ухахъ моихъ звѣнишь и я прощаюсь съ вами..... вы меня здѣсь похороните!....

— Ты ряхнулся!.... вскричалъ полковникъ Шаррень. Лекамяю преслѣдуешь шніона , онъ , вѣрояшно , удовлетворитъ насъ.

— Ну , что Лекамяю ? вскричали офицеры , видя подпоручика , копорый возвращался , едва переводя духъ.

— Чорпъ его возьми ! вскричалъ Лекамяю. Онъ , я думаю , проскочилъ сквозь снѣгу , и если это не самъ чорпъ , какъ я полагаю , то , вѣрояшно , живешъ здѣсь и знаешъ все выходы и повороты ; онъ , чорпъ знаешъ , куда ушелъ опъ меня !

— Я погибъ!.... сказалъ хирургъ съ мрачнымъ видомъ.

— Полно , успокойся!.... отвѣчали офицеры ; мы попеременно будемъ съ тобою до пвого опъзда.... и ве-

годня вечеромъ будемъ провожать тебя...

Въ самомъ дѣлѣ, трое молодыхъ офицеровъ, кои, проигравшись, не знали чшо дѣлать, проводили хирурга домой и предложили ему провести у него ночь, на что онъ согласился.

На третій день онъ получилъ позволеніе ѣхать обратно во Францію, и дѣлалъ уже всѣ приговоренія, чтобы отпавиться съ одною дамою, кою корпорой Мюратъ далъ сильную охранительную стражу. Онъ почти оканчивалъ уже пріятельскій обѣдъ, когда слуга его объявилъ, что какая-то молодая дама желаетъ говорить съ нимъ. Хирургъ вышелъ тотчасъ съ тремя офицерами но незнакомка успѣла только сказать своему любовнику:

—Берегись!.....

И упала мертвая къ ногамъ его.

Это была горничная, копорая, чув-

спвуя себя оправленною, надѣялась поспѣть еще во-время, чтобы спасти хирурга.

Ядъ совершенно ее обезобразилъ.

— Чортъ побери! вскричалъ Лекамю, вопъ что значить любить!... только Испанка, изъ всѣхъ женщинъ въ свѣтѣ, можешь думать еще о спасеніи своего любовника и бѣжать шакою даль!.....

Хирургъ чрезвычайно расстрогался. Наконецъ, чтобы истребить въ душѣ своей мрачныя предчувствія, кои его мучили, онъ опять сѣлъ за столъ и пилъ безмѣрно много, въ чемъ не отказавали и его товарищи; потомъ всѣ, въ полъ-пьяна, рано легли спать.

Посреди ночи хирургъ былъ пробужденъ скрипомъ, который производили двери, движась на петляхъ своихъ. Онъ сѣлъ на постель, будучи преданъ тому механическому шрепешанію всѣхъ фибровъ, какому мы

подвергаемъ при подобномъ пробужденіи. Тогда онъ увидѣлъ предъ собою—завернувшася въ плащъ—Испанца.—Незнакомецъ бросилъ на него пожирающій взглядъ, подобный тому, который хирургъ замѣнилъ въ куштѣ, во время праздника, и который его подсперегъ такъ неприязно.

Хирургъ вскричалъ: помогите!... ко мнѣ друзья мои!....

Но на эти восклицанія опчаянія отвѣчалъ Испанецъ съ горькою усмѣшкою:

— Опіумъ для всѣхъ роспешъ!....

Потомъ, послѣ этихъ словъ, онъ указалъ ему на прехъ его друзей, крѣпко заснувшихъ, и,—носпѣшно выпощивъ изъ - подъ плаща женскую руку, недавно отрѣзанную, быстро поднесъ ее хирургу, показывая ему знакъ, подобный тому, который онъ столь неосторожно описалъ — спросилъ:

— Та ли-это рука?.....

Хирургъ, при свѣшѣ фонаря, поспавленнаго на постели, разсмопрѣлъ руку, и оледенѣвъ опъ ужаса, опвѣчалъ наклоненіемъ головы, и безъ дальнихъ разспросовъ, мужъ незнакомки вонзилъ ему кинжалъ въ сердце!...

— Эша повѣспь, сколько ни уди-вительна темна, сказалъ одинъ изъ слушапелей, но еще болѣе невѣрояпна; ибо изъясните ли вы мнѣ, кто изъ двухъ разсказалъ вамъ ее: покойникъ хирургъ или Испанецъ?.....

— Милоспивый Государь, опвѣчалъ разскащикъ, такъ-какъ, къ счастью, ударъ кинжала, вмѣсто того, чтообы попасп въво и произишь сердце мое, попалъ въ правую и только меня оцарапалъ, шо вы, вѣроятно, позволише мнѣ знать нѣсколько собспвенное мое приключеніе.... Божусь вамъ, что и теперъ еще бываюптъ ночи, въ кошорыя я вижу во снѣ эти страшные глаза.....

Бывшій хирургъ замолчалъ , поблѣднѣлъ и оспался съ опкрытымъ рпомъ въ положеніи наспоющей эпи- лепсіи.

Мы всѣ обрапились въ шу спору залы. У дверей его споялъ Испанскій Грандъ, изгнанный *afrancesado* и прибывшій, двѣ недѣли тому назадъ , въ Туррень съ своимъ семействомъ. Онъ въ первый разъ явился въ эпопѣ вечеръ въ общеспво, и пришедши очень поздно , обходилъ всѣ залы, сопровождаемый своею женою , кося правая рука оспавалась неподвижною.

Мы опспутили въ безмолвіи, чшобы дашь проходъ эпой чспѣ, на копорую спотрѣли мы не безъ глубокой печали.

Эшо была картина, достойная кнспи Мурилла! Мужъ ся, подѣ черными , густыми бровями , имѣлъ огненные глаза. Лице его изсохло, голова была плѣвива и пѣло ужасно худощ-

щаво! Жена его!.... вообразите себѣ ее.... — нѣтъ! — вы не вѣрно вообразите ее..... она имѣла прелестную талію; была блѣдна, но еще прекрасна; цвѣтъ ея, по неслыханному преимуществу для Испанки, былъ ослѣпительной бѣлизны; но взоры ея, подобно каплямъ расплавленного свинца, жгли всѣхъ, на кого упали.... прекрасное чело ея, украшенное жемчугомъ, и бѣлое, какъ снѣгъ, походило на гробовой мраморъ; въ сердцѣ ея шайлась смерть!... это была Испанская горестъ во всемъ ея величїи.

Безполезно прибавить, что Хирургъ исчезъ при появленїи этой чепы.

— Милоспивая государыня, спросилъ я Грандеццу къ концу вечеринки, по какому случаю лишились вы руки своей?....

— Въ войнѣ за независимость.... отвѣчала она.

Т О Б І А С Ъ

Г В А Р Н Е Р І У С Ъ.

ТОБІАСЬ

ГВАРНЕРІУСЬ.

Въ одинъ пасмурный зимній вечеръ прогуливался мой прадѣдъ (удержанный въ Бременѣ по нѣкопорымъ дѣламъ) по маленькому глухому переулку, проходящему позади соборной церкви. О томъ, что онъ тамъ дѣлалъ, догадаетесь вы сами, если я вамъ скажу, что ему тогда было двадцать лѣтъ, и что мало такихъ городовъ въ Германіи, гдѣ бы можно было найти бѣлошвѣкъ милѣе и снисходительнѣе Бременскихъ. Это сказалъ я вамъ, впрочемъ, не для того, чтобы уменьшить ваше хорошее мнѣніе о моемъ прародителѣ.

Уже болѣе двадцати минути про-

шло послѣ условленнаго часа свиданія, а ша, копорую онъ ждалъ, все еще не являлась; однакоже мой прадѣдъ ждалъ.

Предсавишельное Правленіе излечило насъ оцѣ этой удивишельной любовной шерпѣливости: я бы весьма удивился, если бы встрѣтилъ еще нынѣ человекъ, копорый бы рѣшился на это.

Прошедши нѣсколько разъ туда и сюда по улицѣ, прадѣдъ мой замѣтилъ на перекресткѣ оной маленькую лавочку; по обѣимъ сторонамъ входа висѣли двѣ жеспяныя дощечки, вырѣзанныя и раскрашенныя на подобіе скрышки, и чрезъ то показывавшія, чѣмъ шорговалъ, или, правильнѣе сказать, чѣмъ не шорговалъ хозяинъ этой лавки; ибо, кромѣ худаго баса, повѣшеннаго на стѣнѣ, коншрѣ-баса безъ шрунѣ, нѣсколькихъ смычковъ да квинты, лавочка его была совершенно пуста и ничѣмъ

не оправдывала хвастливой надписи надъ входомъ: *Магазинъ разныхъ струнныхъ и духовыхъ инструментовъ*, а походила болѣе на каморку будочника.

Грошова свѣча, предлинно нагорѣвшая, бросала слабый и мрачный опсвѣтъ и блѣдно освѣщала человѣка, работавшаго въ эшой гадкой лачужкѣ.

Впрочемъ, казалось, онъ неслишкомъ прилежно занимался своею работою: ибо поминутно вспавалъ, бросалъ на столъ квиншу, и расхаживалъ по комнапѣ большими шагами, съ неподвижными взорами и быстрыми шѣлодвиженіями; все это показывало человѣка, занятаго глубокими размышленіями.

Частію изъ любопытства, а частію и для того, чтобы укрѣпиться отъ сильнаго сна, отнимавшаго у него послѣднюю надежду свидѣться въ тошъ вечеръ съ предметомъ своей сшраспи, мой прадѣдъ, все еще не

могшій рѣшившись оставить это мѣсто, вошелъ въ лавку инструменщика и, не смотря на то, что онъ во всю жизнь не знавалъ ни одной ноты, попросилъ показать ему нѣсколько лучшихъ скрипокъ.

» Лучшія скрипки! опивчалъ сердию масперъ; да развѣ вы не видите, что у меня нѣтъ ихъ и что я не продаю ихъ? Вотъ, коли хотите, есть у меня конпръ - басъ, который я принужденъ былъ взять въ уплату долга съ хозяина *собахъей комедіи*, которая въ этомъ городѣ имѣла большой успѣхъ и въ которой бывали даже члены нашего главнаго городского Совѣта. Ну, что же? берете что-ли мой конпръ - басъ? Я уступлю вамъ его за десять экю; ну, чтобы не торговаться, я уступаю его вамъ за 50 ливровъ! «

Ирадѣ мой былъ такой же знашокъ въ инструментахъ, какъ и въ музыкѣ, а потому чрезвычайно за-

пруднился, не зная, какъ поступить ему въ эпомъ спраннымъ случаѣ, когда, вмѣсто скрыпки, навязываютъ ему вешій конпръ-басъ.

Онъ со всею логическою точностію сдѣлалъ это замѣчаніе непонятному инструментищику и получилъ такой отвѣтъ, который увѣрилъ его, что онъ имѣетъ дѣло съ помѣшаннымъ. Это мнѣніе еще болѣе подтвердилось, когда и въ его присутствіе онъ началъ ходити по своей комнатѣ такими же большими шагами и также размахивая руками; въ сіе время какая-то спаруха, отворивъ двери комнаты за лавкою, показывала ему знаками и пожатіемъ плечъ, что скрыпачъ помѣшанъ.

И прадѣдъ мой проворно выскочилъ изъ лавки, а назавтра вовсе выѣхалъ изъ города, окончивъ всѣ дѣла свои.

Три года спустя послѣ того, прадѣду моему случилось опять побывать въ Бременѣ, и случилось такъ-

же проходить по той же самой улицѣ. Онъ увидѣлъ, что лавка скрыпача закрыта; на спавняхъ ея, болѣе всего прочаго носившихъ на себѣ печать разрушенія, начертаны были большіе красные кресты. Это привлекло на себя его вниманіе, и вечеромъ, за ужиномъ, заговорилъ онъ объ этомъ съ своимъ хозяиномъ, однимъ изъ Магистратскихъ членовъ, и подробно рассказалъ ему (не упомянувъ однакоже о своемъ несбывшемся рандеву) о томъ странномъ приѣмѣ, который сдѣланъ былъ ему въ этой лавкѣ, тому назадъ три года. Хозяинъ его рассказалъ ему въ свою очередь, повѣсть, которую вы сейчасъ начнете читать:

» Человѣкъ, про котораго вы мнѣ говорили, назывался Тобіасъ Гварнеріусъ; съ большимъ трудомъ могъ онъ питаться самъ и кормить спаруху, мать свою, которую вы видѣли и съ которою онъ жилъ вмѣстѣ.

Такъ какъ въ цѣломъ городѣ онъ былъ одинъ только инспруменщи къ а въ немъ находилось довольно-таки любительской музыки и музыкантовъ, которые безпрестанно давали ему починавъ свои музыкальные инспрументы, по онъ могъ бы жить довольно безбѣдно. Но за десятишь лѣтъ передъ тѣмъ временемъ, про которое мы теперь говоримъ, неожиданное несчастіе постигло его. Въ одно утро предался онъ какой-то невѣдомой мысли, и съ тѣхъ поръ никогда не оставалъ ее, хотя это стоило ему большихъ пожертвованій.

Жена его, въ послѣдствіи умершая отъ горести, тщетно представляла ему несбыточность его мечтаній, тщетно заклинала его заниматься работою и не ввергаться въ глубокую нищету: онъ не внималъ ей, ни о чемъ не печся, и думалъ единственно о томъ, какъ бы привести идею свою въ исполненіе. Торговля его у-

пала; работы не было; кой-какія денжонки, которія у него были заработаны, всё вышли, и за долги забрали у него всю почти его домашнюю утварь, мебели, повары и одежду, а мечта его не приходила въ исполненіе. Въ ту пору, когда у него не оставалось ни гроша денегъ, онъ принужденъ бывалъ оставлять свои опыты; но никогда не терялъ надежды когда-либо осуществитъ свою идею, и твердо увѣренъ былъ, что рано или поздно она возведетъ его на высокую степень славы и богатства и вознаградитъ за всё его утрачу.

Надобно сказать, впрочемъ, что ежели бы онъ когда-либо достигнулъ цѣли своихъ начертаній, то дѣйствительно могъ бы получить великія богатства. Онъ имѣлъ скрипку, работы Страдиваріуса, за которую многіе знатоки и любители нѣскольکو разъ давали ему высокую цѣну, и возмечталъ совершенно подражать

въ работѣ своей сему великому мастеру. Онъ полагалъ, что вымѣривъ съ машемашинческою точностію форму и размѣръ энихъ инструментовъ, употребивъ такое же дерево, покрывъ его такимъ же лакомъ и выкрасивъ въ такой же цвѣтъ, какъ на скрипкѣ Страдиваріуса, онъ мало-по-малу усовершенствуетъ свое произведеніе, и наконецъ превзойдетъ даже самый свой образецъ. Не взирая, однакоже, на всѣ старанія къ усовершенствованію такихъ поддѣлокъ, всякій разъ встрѣчалось какое-либо различіе съ принятымъ отъ него образцомъ: то цвѣтъ былъ свѣтлѣе, то опякъ темнѣе, то дерево сыро, то слишкомъ великъ объемъ, и всѣ эти препятствія доводили его до отчаянія, и съ шѣмъ вмѣстѣ содѣлывали мечту его невозможною къ осуществленію; это былъ нѣкопорый родъ бесконечно увеличивающихся, одноцентраль-ныхъ круговъ.

Однакоже послѣ многихъ безполезныхъ опытовъ, онъ успѣлъ достигнуть до приведенія въ модификацію своей первобытной идеи; онъ употребилъ все свои старанія, истощилъ все средства, слѣдовалъ всемі, имъ самимъ для себя начерпаннымъ правиламъ — и что же? работа его была хуже всѣхъ предшествовавшихъ. Онъ началъ даже подозрѣвать, что сотворенію этого чуда скрипичныхъ инструментовъ прешествуетъ какая-то высшая сила, имъ еще неоспигнуная и немилосивленная.

» Кто знаетъ, « сказалъ онъ однажды съ важнымъ видомъ одному физику, который хотѣлъ помочь ему разрѣшить его многотрудную и неудободостижимую проблему чрезъ сообщеніе ему новыхъ открытій относительно теоріи звука, « кто знаетъ? можетъ быть, долженъ я искать разрѣшенія моей идеи въ міра матеріальнаго? Въдь слова выра-

жають же идеи? По этому, когда я познаю свойство души скрипки, можетъ быть, тогда достигну я, хотя нечаянно до пѣхъ сокровенныхъ вранъ, которыхъ столь долгое время я тщетно опыскивалъ. Физикъ началъ смѣяться, а бѣдный Тобіасъ Гварнеріусъ еще глубже погрузился въ бездну своихъ изысканій.

Одинъ разъ принесли ему для поправки віолончель, и нечаянно оставили у него, вмѣстѣ съ віолончелью, книгу, за которой довольно долгое время не приходили. Въ свободное время, (которое бывало впрочемъ весьма рѣдко, ибо Тобіасъ Гварнеріусъ, ежели не работалъ руками, то пѣмъ не менѣе работалъ головою) нашъ бѣдный мечтатель перелисывалъ эту книгу: она принадлежала къ пѣмъ, достойнымъ уваженія, произведеніямъ Германской учености и шрудолубія, въ которыхъ авторъ заранѣе обѣщаетъ говорить *de omni re scibili* и

о нѣкоторыхъ другихъ предметахъ. И въ самомъ дѣлѣ рядомъ, съ спашьею о *лучшемъ образѣ Правленія* стояла спашья о *лучшемъ способѣ настроить спину женть, когда она вздуляется слишкомъ занестись*; далѣе слѣдовалъ *рецептъ, какъ составлять кипрское вино*, подлѣ него *диссертація о дѣвственности одиннадцати тысячъ дѣвъ*, а тамъ разговоръ о *выгодахъ плышности*. Какая - то особенно-спранная простота господствовала въ эпомѣ безсистемномъ сочиненіи, и придавала чпенію онаго только ему свойственную прелесть, которая и заставила нашего Мономана, занявшись эпою книгою цѣлые полдня, позабыть о своей обычной, несбыточной мечтѣ.

Вдругъ на оборотѣ одной спра- ницы представляется ему спашья: *О переселеніи душъ*. Прочитавъ эпо заглавіе, онъ внезапно подумалъ, что открылъ тайну, о разрѣшеніи копо-

рой споль долгое время спарался; припрыгнулъ какъ ребенокъ; позвалъ мать свою и просилъ ее посидѣшь въ лавкѣ, а ежели спросятъ про него, то сказать, что его нѣтъ дома. Попомъ одинъ запершись въ комна-тѣ, чшобы не прерывали его сообра-женій, засѣлъ онъ за книгу, и опть пер-вой до послѣдней буквы прочипалъ эту спашью. Она показалаь ему чу-деснѣйшимъ и благоразумнѣйшимъ произведеніемъ, какое только когда либо выходило изъ ума человѣческаго.

Не въ однѣхъ только книгахъ, но и во всѣхъ жизненныхъ случаяхъ и обстоятельствахъ, въ дружбѣ, въ надеждѣ на будущность, въ льспивыхъ видахъ своихъ, должно опасашься намъ помѣшательства, подобнаго тому, ка-кое ожидало Тобіаса Гварнеріуса. Спа-шья, за безпрепятственное прочте-ніе кошорой онъ охотно бы опдалъ какой-либо изъ членовъ своихъ, была ничшо иное, какъ жалкая расодія,

склееная изъ ципацій Опцовъ Церкви, Аристоклеса, Платона и Св. Писанія. Послѣ безчисленнаго множесства сокращеній, извлеченій, соображеній и заключеній, авторъ выводитъ наконецъ важную новосць, что душа бессмертна: и вопіъ, по самой испи-нѣ шо, чѣмъ наполнены были подъ споль пышнымъ заглавіемъ цѣлыя двадцать страницъ *in folio*, и о чемъ можно было съ болшею ясноспію и съ болшею пользою написать въ двухъ страницахъ.

Но часъ Тобіаса Гварнеріуса не при-снѣлъ еще; съ глубокомысліемъ и почностію вникая въ смыслъ прехъ, впервые представившихся ему словъ, для того, чшобы какимъ бы шо ни было образомъ извлечь изъ нихъ и дашь логическій смыслъ своимъ первоначальнымъ мечшательнымъ созер-цаніямъ, онъ началъ съ шѣхъ поръ представлять себѣ душу человѣче-скую какъ существо словесно-подви-

жное, удобопереносимое и съ шѣмъ вмѣстѣ воодушевительное. Въ Германіи самый воздухъ полонъ философіи: въ ней всякій мастеровой, сколько же, какъ во Франціи какойнибудь *Ученый, удостоенный награды*, имѣеть понятіе или слыхалъ о мепампсихозѣ; такъ диво ли, что эта система, распространяясь болѣе и болѣе и имѣя въ себѣ столько много поэтическаго, хопя, правду сказать, и чрезчуръ много несбыточнаго, подѣйствовала на умъ нашего инсрументщика - философа и покорила себѣ всѣ его умшвенныя предположенія. Нѣсколько часовъ, проведенныхъ въ размышленіи, довершили зарожденіе мысли въ бѣдномъ Тобіасѣ Гварнеріусѣ: что есть какое-то высшее нераздѣльное, неразрушимое существо, участвующее въ самыхъ частныхъ дѣлахъ человѣческихъ, и, что важнѣе всего, съ этого времени спалъ онъ занимается только машеріальнымъ выводомъ, помощію

кого надѣялся принаровити къ своему искусству выгоду психологическаго своего открытія.

Три мѣсяца послѣ того, въ ночь, наканунѣ праздника Св. Іосифа, давно уже всѣ часы пробили часъ послѣ полночи, и весь городъ Бременъ давно уже покоился въ объятіяхъ Морфея. Мастерская Тобіаса Гварнеріуса щцашельно была заперта и, вѣроятно опъ опасенія, чшобы какойнибудь прохожій не замѣпилъ свѣша сквозь щели спавенъ въ его задней комнашѣ, онъ позаботился завѣсити стеклянныя двери, выходящія въ лавку его, толстою шерстяною матеріею, которую сложилъ еще вдвое.

Впрочемъ предосторожности эти и не были вовсе бесполезными; ибо инструменщикъ занимался не шѣмъ, чѣмъ обыкновенно инструменщики занимаются.

На большой постели, изъ какой-то матеріи яркаго пунцоваго цвѣта,

на кошорой она нѣкогда родила его, лежала старая его мати, Бригитта Гварнеріусь; она боролась со смертію, спрадая долгое время мучительнѣйшимъ ракомъ. Склоненный къ груди ея, кошорая воздымалась ужаснѣйшимъ образомъ, не проливая ни одной слезы и не выражая ни одною черпою лица ни малѣйшаго участія къ жеспочайшимъ спраданіямъ, которыхъ былъ онъ свидѣтелемъ, Тобіась, казалось, погруженъ былъ въ предчувствіе, что скоро наступитъ та роковая и поржеспвенная минута, ожиданіе кошорой въ полной мѣрѣ овладѣло всеми его чувствами и способностями.

Надѣясь, безъ сомнѣнія, пріобрѣсть какую - либо выгоду, Тобіась успроилъ преспшанный приборъ, кошораго ни изобрѣсть ни описать не могла бы никакая мудрость человѣческая. Труба, кошорая, казалось, составлена была изъ разныхъ метал-

ловъ, расширяясь къ концу своему въ видъ воронки, приставлена была ко рту умирающей, и принимала въ себя дыханіе, исходящее изъ ея легкихъ, которое, при каждомъ вздохъ, производило какой-то сердце радирующей звукъ. На другомъ концѣ труба замыкалась деревянною запычкою, которой діаметръ былъ немного меньше діаметра трубы и которая, будучи немного выдолблена, герметически примыкалась къ опверстію трубы.

Въ часъ, пятьдесятъ двѣ минуты и нѣсколько секундъ, дыханье умирающей остановилось, пульсъ и сердце ея перестали биться, и внезапно раздался въ трубѣ, которая была сотрясена какъ бы какимъ гальваническимъ дѣйствіемъ, продолжительный вздохъ, за которымъ послѣдовало спенаніе, пробѣжавшее по всей длинѣ трубы: нѣчто съ силою ударилось объ упору, которая однако устояла. При

эпомъ звукъ бросился Тобіасъ Гварнеріусъ спремглавъ, успремилъ взоры свои на замирающую и прещущую грудь своей матери, и съ нечеловѣческою силою, не взирая на невѣроятное сопротивленіе его усиліямъ, не взирая на какой-то жалобный заушывный шопопъ въ трубѣ, — успѣлъ задвинуть отверстіе трубы задвижкой. Теперь должно вамъ сказать, что никогда не могли узнать, что такое заключилъ Тобіасъ Гварнеріусъ въ ужасной трубѣ своей; но, какъ полагаюшъ, и какъ съ достовѣрностію положити можно, то это была душа его матери, которую хотѣлъ онъ употребити съ пользою при своихъ ужасныхъ опытахъ.

Въ то мгновеніе, когда душа распоргла узы, связывавшія ее съ смертною оболочкою, ошжившею вѣкъ свой, она начала спремиться къ верху; но принуждена будучи слѣдовать по узкому проводу, который предста-

вился ей при ся вымешъ, она, покорная своему направленію, стремилась до конца пространства, ее заключавашаго; конечно, она могла бы возвратиться назадъ пою же дорогою, прежде нежели пиранъ могъ запереть ей дорогу; но дьявольское благоразуміе его все напередъ придумало: Къ трубочной оконечности, находившейся у рта умершей, придѣланы были двѣ досечки, сдѣланныя изъ дерева, пѣкогда составлявшимъ часть гроба и украденнымъ недавно Тобіасомъ съ кладбища. Когда душа принуждена была возвратиться, то она испугалась той смертной атмосферы, которую должно было ей переходить, и снова воропилась назадъ; тогда-то Тобіасъ заключилъ ее въ вѣчную шюрму и содержалъ въ оной для удовлетворенія своихъ прихотей.

Впрочемъ не должно думать, чшобъ эта отважность ничего не стоила Тобіасу: въ ту самую минуту, когда

все свершилось, пораженный какъ бы электрическимъ сопрясеніемъ, онъ упалъ навзничъ и оставался безъ чувствъ распроспертымъ на землѣ еще нѣсколько часовъ послѣ солнечнаго восхода.—

Въ это мгновеніе, когда очнулся онъ отъ этого долгаго самозабвенія, началъ онъ чувствовать легкую усталость во всѣхъ своихъ членахъ, какъ бы по совершеніи какого-либо дальняго пути, потомъ онъ едва могъ собраться съ мыслями, дабы ондапъ себя опчепъ во всемъ происшедшемъ. Наконецъ однакоже блеснуло въ душѣ его свѣтлое воспомнаніе о приключеніяхъ прошлой ночи. Онъ подошелъ къ кровати, на которой лежало тѣло его матери, окостенѣлое и холодное какъ ледъ. Рука его дрожала, и съ тѣхъ поръ дрожаніе это никогда болѣе не унималось. Онъ съ необыкновенною закрылъ глаза у покойницы, спрашась, чшобы быспрый

и душу проникающій взглядъ ея не встрѣтился съ его собственнымъ и не укорилъ бы грозно въ свершенномъ преступленіи.

Около двухъ недѣль прошло, какъ бранные останки Бригитты преданы были землѣ, и при погребеніи ея случились даже преспранныя вещи: всякій разъ, какъ въ молитвахъ своихъ священникъ начиналъ поминать о душѣ усопшей, свѣчи, горѣвшія вокругъ ея пѣла, внезапно попухали и много случалось еще другаго, тому подобнаго и много о томъ рассказывали.

Будучи свидѣтелемъ эпого происшествія, и превожимый во глубинѣ души своей угрызеніями совѣсти (хотя радость при мысли, что онъ осуществилъ идею всего бытія своего, не много смягчала ихъ), Тобіасъ Гварріусъ не осмѣливался еще сдѣлать опыта надъ инструментомъ, имъ уже совершенно окончанномъ; однакоже въ немъ скрывалась самая дивная гармо-

нія: ибо при легчайшемъ дуновеніи въпра или движеніи воздуха, раздавались въ немъ звуки, походившіе на вздохъ, но припомъ чрезвычайно сладостные. Однакоже молва, что Тобіась открылъ свою великую шайну, довольно ужè распроспранилась по городу, и всякій день почти спекались къ нему музыканты и любители: одни за шѣмъ, чшобы посмѣяшься надъ нимъ, какъ надъ мечпашелемъ, другіе съ намѣреніями, болѣе важными, желая послушать сего чуда, сего единственнаго произведенія въ родѣ скрипокъ; но Тобіась всякій разъ оперочивалъ подъ шѣмъ предлогомъ, что работа его еще не окончана.

Случилось въ то время проѣзжаясь чрезъ городъ Бременъ одному мнимому наслѣднику какого-то маленькаго владѣнія въ Германіи. Провидѣніе, имѣя по видимому свои причины при семъ распорядкѣ, назначивъ его для будущаго царствованія, одарило его всѣ-

ми способностями, нужными для хорошаго скрипача - солиста. Слава о талантѣ его распространилась по всей Европѣ, почти также, какъ военная слава Фридриха Великаго; онъ ѣздилъ по Европѣ и оспанавливался только въ тѣхъ государшвахъ, областяхъ или городахъ, гдѣ приготовленъ былъ для него концертъ, въ которомъ онъ не отказывался и самъ быть участникомъ. Бременскій градоначальникъ, стараясь всячески угодишь высокому вирпуозу, посѣвшиль составилъ музыкальную вечеринку и не забылъ также уведомить Тобіаса Гварнеріуса, что ему весьма пріятно бы было, если бы онъ, при этомъ случаѣ сдѣлалъ первый опытъ своему новому изобрѣтенію.

Когда изъявлено было ему это желаніе, то Тобіасъ Гварнеріусъ началъ примиряться съ своею совѣстію; ибо впечатлѣніе ужаса, который испыталъ онъ послѣ своего пре-

спупленія, равно какъ и всѣ человѣческія попрысенія мало-по-малу изгладились. Онъ прибѣгнулъ попомъ къ самымъ страннымъ разсужденіямъ. «Вѣдь никому неизвѣстно говорилъ онъ самъ себѣ съ тою чудесною изворотливостью, которая извиняетъ худыя поступки и до *non plus ultra* похваливаетъ тѣ, которыя хотя чѣмъ нибудь похожи на хорошіе—вѣдь никому изъ насъ неизвѣстно, кто погибнетъ, или кто спасется. Мать моя Бригитта по видимому вела жизнь честную: но таковою ли почтеть ее небесное судилище, и кто можетъ разувѣрить меня въ томъ, что, удерживая ее на землѣ, я не избавляю ея на нѣсколько времени отъ вѣчной муки? Припомъ-же, кто не назоветъ меня добрымъ сыномъ, прибавилъ онъ съ высшею степенью софизма, достойной адвоката нашихъ временъ! Другіе сохраняютъ кости своихъ родственниковъ, я же держу при себѣ и

самую душу моей матери, и никогда не хочу съ нею разстаться? Такъ не вдвойнѣ ли достоинъ я благословенія небесъ за такую мой поступокъ?

Сими мыслями, которыми онъ обладалъ въ самыя отборныя выраженія, онъ успѣлъ разсѣять все угрызенія своей совѣсти.

Когда наступилъ вечеръ, въ который долженъ былъ совершиться великій опытъ, поразило Тобіаса другое безкойство. Предубѣжденіе архиспа господствовало въ его мысляхъ, и онъ началъ сомнѣваться въ полнотѣ успѣха опыта своего. Въ самомъ ли дѣлѣ душа матери его была переселена? — Предположивъ даже, что она пробыва нѣсколько минутъ въ томъ мѣстѣ, куда она заключена была, должно было необходимо сдѣлать новый вопросъ: не могла ли она испариться тончайшимъ и непримѣпнымъ образомъ, чтобы чрезъ то послѣдовать закону небснаго влеченія, се

призывавшему? И тогда предскажете себѣ все смущеніе его, когда, въ присутствіи цѣлаго города, его сверхъестественное созданіе внезапно превратится въ какую нибудь жалкую скрипченку, которая спанешъ жестоко драсть уши своимъ слушаемымъ, такъ какъ тѣ его скрипки, надъ которыми онъ донынѣ споль долгое время бесплодно трудился. Впрочемъ это опасеніе было весьма основательно, и онъ лучше бы желалъ испытать ее сначала, у себя дома, нежели быть въ споль ужасномъ безпокойствѣ, которое превышало самый его священный ужасъ, воспрещавшій ему до сего времени приняться за свое отличное произведеніе; но скрипка уже не была у него; онъ опослалъ ее еще поштру въ городовую залу (въ которой было опредѣлено дать музыкальную вечеринку) въ богатомъ футлярѣ, отъ котораго ключъ хранилъ у себя. Жребій былъ брошенъ и поздно уже во-

ропшишь его назадъ; въ четверть часа онъ могъ заимить всю славу Справдваріусову и въ ту же четверть часа сдѣлаться предметомъ всеобщаго посмѣянія. Съ кѣмъ изъ чипанелей бывали подобные случаи, тошъ можеть поияшь все шогдашнее разспройство души бѣднаго Тобіаса Гварнеріуса.

Когда всѣ гости и учаспники въ семь знаменишомъ музыкальномъ банкетѣ собрались, былъ введенъ въ городовую залу и Тобіасъ Гварнеріусъ, на эшотъ разъ имѣвшій въ оную свободный доступъ. Видъ его одежды, походившей на допшопную и обличавшей какое-шо особенное разспройство души, не смшря на чшд-шо праздничное и косвенное въ его шѣлодвиженіяхъ, представляло его смѣшнымъ для всѣхъ присушспвовавшихъ.

Однакоже въ шо время, какъ онъ сѣлъ въ углу комнашы съ лицомъ, по-

крытымъ смершною блѣдностію, съ быстрымъ и пронцапельнымъ взоромъ, который съ невыразимымъ безпокойствомъ оспановился на виртуозѣ, который впервые долженъ былъ дать звукъ его созданію, онъ никому ужè не казался смѣшнымъ, и всякій, взирая на него, былъ проникаемъ то болзнію, то состраданіемъ.

Нужно бы изобрѣсть новыя слова, чтобы дать понятіе о странномъ впечатлѣніи, которое ощутило собраніе тогда, когда смычекъ привелъ струны въ сотрясеніе, и пылкая душа спала мучима ужасными страданіями; многіе увѣряли, что при первыхъ звукахъ, имъ показалось, что они были подняты съ земли и оставались висящими между небомъ и землею, перенося невыразимыя страданія; на другихъ дѣйствіе звука было столь живо, столь пронзительно, что они, казалось, чувствовали непосредственное сотрясеніе въ нервахъ, какое они нѣ-

скольکو времени ощущали ясно, живо и отдѣльно, какъ будто мясо опъ нихъ опспало и оставило кости ихъ обнаженными.—Но никакой языкъ не въ состояніи описать той неизрѣченной симпатіи, подѣйствовавшей на всѣ души, узнавшія, хотя не умѣя отдавать себѣ яснаго опчета въ чувствахъ своихъ, гласъ души, призывающей на помощь и, вмѣстѣ съ ея горесными аккордами, погружавшія въ бездну горести и проливавшія токи слезъ. Ни горестъ машери, плачущей о похищенномъ смертію первородномъ дѣщицѣ, ни горестъ любовницы, на утро послѣ соблазна, ни арписта, вспрѣшившаго неудачу, не могутъ дать ни малѣйшаго понятія о горькихъ жалобахъ этой дочери неба, измѣннически удержанной на землѣ далѣе срока, и пребующей освобожденія, дабы погрузиться въ безпечное спокойствіе.

Никто, включая даже и того, кто игралъ на скрипкѣ Тобіаса Гварне-

ріуса, не могъ припомнишь ни одной разыгранной имъ ношы; никто бы не могъ сказать: было ли то, что онъ слышалъ, какая нибудь спройная пѣснь или чудесная повѣсть, рассказанная знаменимымъ поэтомъ и въ которой заключалось изображеніе всѣхъ мученій, всѣхъ смертельныхъ спрашей, всѣхъ печалей жизни, начиная отъ незамѣпной меланхоліи, сожалбующей о чемъ-то, и желающей чего-то, до самыхъ жесточайшихъ и ужаснѣйшихъ терзаній; но также никто бы не могъ сказать, чтобы когда и гдѣ либо на землѣ поразила слухъ его гармонія, столь глубоко прогающая сердце. —

Какъ скоро терзающіе сердце звуки укропились и всѣ слушатели вышли изъ того онѣмѣнія и внутренняго созерцанія, въ которое были повержены, взоры всѣхъ обрапились на Тобіаса Гварнеріуса. Въ это мгновение арписпъ имѣлъ сполько власти

надъ своимъ физическимъ существомъ, что не слыхалъ восклицаній горести, отдававшихся въ сердцахъ всѣхъ присутствовавшихъ, и которыя бы должны были глубоко пронести его, потому что для него они не были простою жалобою, но ужаснѣйшимъ упрекомъ: онъ внималъ только - звукамъ чудесной гармоніи, превышавшимъ все, что музыкальные гении когда либо производили, и вида наконецъ задачу всей своей жизни рѣшенною, онъ упалъ на колѣна, простеръ сложенные руки къ небу, и слезы пошекли по его лицу, на которомъ опразилась неизрѣченная радость.

По прошествіи уже нѣсколькихъ минутъ замѣшилъ онъ Нѣмецкаго Владѣтельнаго Князя, сильно держающаго его за руку, чтобы возбудить его отъ блаженства *a parte*, въ которомъ онъ, казалось, находился, и спрашивающаго его : не хо-

чешъ ли онъ продать ему свою скрипку за 1000 эю.

» Мою скрипку! за тысячу эю? « отвѣчалъ онъ, смотря, улыбаясь, на принца, съ видомъ чловѣка, не вполне разумъ находящаюся, » по этому дерзнули выоцѣнивать такую вещь, какой никогда не бывало; вы хошите, какъ я вижу, купить творческое произведеніе. Много ли дадите вы за солнце, если бы вздумалось вамъ купить его, предполагая, что въ какое нибудь ясное утро спало бы оно продаваться? «

Что означали эти горделивыя слова бѣднаго инструменщика? Дѣпская любовь его не воспавала ли прошивъ порга, который ему предлагали, или его самолюбіе оскорбилось низкою оцѣнкою его произведенія? Покупатель, по крайней мѣрѣ, въ эту спорону исполковалъ слова Тобіаса Гварнеріуса, и шопчасъ удвоилъ цѣну; но Тобіасъ снова отвѣчалъ, что его

скрыпка не продажная, что слава его будетъ теперь безсмертна, (подобно славѣ всѣхъ нынѣшнихъ поэтовъ) и что этого для него достаточно. Къ несчастію для него, онъ имѣлъ дѣло съ приходшею государя, который не умѣлъ ни въ чемъ себя опаздывать. Вынувъ изъ кармана бумажникъ, въ которомъ было 12,000 ливровъ банковыми билетами, онъ разложилъ ихъ по столу; потомъ вынулъ еще кошелекъ съ золотомъ, покрайней мѣрѣ, столь же хорошо набитый, какъ у театральныя обольстителей:

» За это отдаешь ли скрипку! ? «
 вскричалъ державный дипломатъ. При видѣ этихъ богатствъ, гордость бѣднаго Тобіаса, который во всю жизнь свою не имѣлъ, можетъ быть суммы въ 1000 ливровъ, его дѣпска я любовь, его торговля спекуляціи, словомъ, все, что его удерживало, вдругъ исчезло: однимъ по-

жирающимъ взглядомъ сосчиталъ онъ ассигнаціи, порознь разложенныя по сполу, сдѣлалъ скорую смѣшу золошу, содержащемуся въ кошелькѣ, и попомъ сказалъ съ видомъ чловѣка, желающаго показать, что онъ находится въ борьбѣ съ непреоборимымъ сопротивленіемъ: «Если вы это непременно хотите, то я, какъ и бышь уступлю вамъ свою скрипку и даю въ придачу (какое великодушіе!) футляръ и даже ключъ къ нему. Впрочемъ, я ни за что не отвѣчаю: если вы будете неосторожны и въ ней что нибудь испортите, то я не берусь за починку.»

Принцъ такъ неперпѣливо желалъ пріобрѣсть себѣ эту скрипку, что ему показалась совершенно маловажною та сумма, которую отдалъ онъ за нее. Онъ приказалъ поспѣшь уложить покупку свою въ футляръ, какъ великодушно данный ему въ придачу, и отнесши ее домой; почти въ по-

же время оставилъ онъ самъ общество и градоначальника, чтобы иппи наслаждались уединеніемъ, и въ сеченіе всей ночи, за тѣмъ послѣдующей, не было въ пятидесяти поазахъ въ окружности ни одного ссѣда, который бы могъ сомкнуть глаза: такъ шумно и продолжительно было вступленіе во владѣніе скрыпкою принца.

Что же касается до Тобіаса, то въ эту ночь не переспавалъ онъ безпреспанно повпорять себѣ одному то же, что уже объявилъ онъ въ залѣ у градоначальника, то есть, что слава его безсмертна. Порою же онъ веселился и наслаждался мыслию, что разбогатѣлъ. Пятнадцать тысячъ и нѣсколько сотъ ливровъ составляли его богатство, и онъ полагалъ, что это очень много. Чтобы лучше въ шомъ увѣрипья, углубился онъ въ вычисленія и спалъ прискиванья всѣ числа, на которые могла дѣлиться

эша сума; попомъ по одиначкѣ считалъ и пересчитывалъ золошыя монеты, а шакъ какъ онъ попушилъ свой нощникъ, и не могъ ихъ болѣе видѣть, шо забавлялся, играя ими и ощупывая края ихъ; попомъ собиралъ онъ ихъ опять въ кошелекъ, и взвѣшивалъ на рукѣ; эшо занимало его до четвершаго часа ушра: шогда онъ уснулъ.

На другой день онъ вспалъ рано, и, пробуждаясь опгь сна, подобенъ былъ человѣку, который вечеромъ уснулъ посреди радостныхъ мыслей о винѣ и пьянствѣ, и ушромъ просынается съ тяжелою головою, мушною намятшю, усшалый и съ недовольнымъ сердцемъ.

Имъ вдругъ овладѣла новая мысль: что онъ не шолько похипилъ и удержалъ въ плѣну, но даже продалъ душу своей машери. Во всякое время, когда шолько ему вздумаешся, человѣкъ, заплашившій за эшо, могъ раз-

будить ее и принудить ить; эшошь человекъ могъ продашь ее другому, когда спанешъ пушешествовать и возить ее съ собою и, какъ говорися, въ первомъ псалмѣ: онъ могъ ее сдѣлать *подножіемъ ногъ своихъ*. Между тѣмъ, какъ онъ былъ занятъ эшою спранною мыслию, нѣкшо вошелъ къ нему въ лавку: эшо былъ одинъ изъ служителей Градоначальника, копорого Тобіасъ хорошо зналъ; ибо прежде въ молодости, эшопъ человекъ былъ женихомъ Бригитты и навѣрно женился бы на ней, если бы не отправился на войну. Когда, спустя много лѣтъ послѣ того, онъ возвратился и нашелъ ее замужемъ, шо тѣмъ не менѣе продолжалъ любить ее дружескою любовью и самый мужъ Бригитты, который былъ увѣренъ въ своей женѣ просилъ его посѣщать ихъ, ежели хочешъ. Онъ послѣдовалъ эшому приглашенію и частенько качалъ на колѣнахъ своихъ маленькаго Тобіаса.

Наканунѣ слышалъ онъ изъ боковой комнаты скрипку, въ коей спонала душа Бригитты, и потчасъ узналъ ея голосъ; ибо воспоминанія любви, какъ бы ни припустились чувства мужчины, не шеряются въ его памяти; наэпопъ разъ, ибо Бригитта плакала одинъ разъ въ своей жизни, что было, и опъ никогда не забывалъ шого— въ день, когда прощалась съ нимъ. Эпо не давало ему покоя во всю ночь, и потчасъ по наступленіи утра, отпра- вился онъ къ Тобіасу Гварнеріусу, и хотѣлъ потребовать у него объясненія этой странной мысли. При первыхъ словахъ старика, Тобіасъ смутился и пробормоталъ нѣсколько несвязныхъ словъ: наконецъ собрался однакоже съ духомъ и старался обратишь все эпо дѣло въ шутку; но любовникъ Бригитты не далъ ему себя одурачить и удалился, покачавъ головою и проворчавъ сквозь зубы, что пупъ

скрывается какая нибудь злодѣйская тайна.

Если Тобіасъ спрадалъ уже очень за свой пропускъ, когда онъ зналъ, что онъ извѣстенъ только одному ему и небу, по каково же было ему, когда увидѣлъ, что другой человекъ опыскалъ слѣды его пресупленія, и когда онъ долженъ былъ опасаться чтобъ хищеніе его не сдѣлалось бы предметомъ человѣческаго правосудія. Въ теченіе нѣсколькихъ часовъ боролся онъ еще съ опасеніями и угрызеніями совѣсти; но, наконецъ побѣжденный ими, онъ взялъ съ собою деньги, полученныя имъ наканунѣ, и побѣжалъ къ купившему его инструментъ, чтобы просить его возвратить ему скрипку, поелику его намѣреніе было, какъ скоро возвратитъ ее, разрушить очарованіе и освободить душу. Но люди, кои имѣютъ всѣ удобства вступать на путь зла, не имѣютъ такихъ же удобствъ, если хо-

пять возвратившись на путь истины. Принцъ уѣхалъ еще до разсвѣта, и въ то время, когда Тобіасъ спускался къ нему, онъ уже былъ далеко. — Рѣшившись не носить болѣе добровольно тяжести своей ошибки, Тобіасъ не долго думалъ: онъ побѣжалъ домой, заперъ лавку; вышелъ за городъ и дождавшись пана дилижанса, бросился въ него и отправился въ столицу принца. Онъ прибылъ туда; но прошло два дня прежде нежели могъ онъ получить аудіенцію, и въ ту минуту, когда доступъ былъ ему позволенъ, нѣкто уведомилъ его, что скрипка уже перешла въ другія руки. Принцъ не могъ играть на ней болѣе осьми дней: ибо вся нервная его система пришла въ состояніе невыносимой раздражительности. Призванъ былъ медикъ его; онъ объявилъ, что душу проникающій звукъ имъ вновь пріобрѣтеннаго инструмента виною этому обстоятельству,

и въ топъ же день, какъ лошадь съ порокомъ, продалъ принць скрипку одному Италіянскому арπισпу, который разъѣзжалъ по Европѣ и намѣренъ былъ давати концерты въ Парижѣ.

Топчасъ же Тобіасъ опправился въ путь; прибывъ въ столицу Франціи, онъ не обращалъ вниманія на чудеса образованности, въ ней находящіяся, (хотя пожиралъ бы ихъ жадными взорами, ежелибъ пушешеспировалъ для удовольствія,) и спарался только о томъ, какъ бы опыскалъ Синьора Баллондини. Онъ безъ труда узналъ мѣсто жительства эпшого арписпа; ибо Синьоръ Баллондини, по милости своей скрипки, пріобрѣлъ обширную славу, и публичные лиски только и толковали о его талантѣ и о чудесномъ свойствѣ звуковъ, извлекаемыхъ имъ изъ своего инструменпа.

Тобіасъ сначала вздумалъ было раз-

сердишься на Италіянца - виршуоза, копорый вмѣсто него пользовался славою; но послѣ одумался и помышлялъ только о томъ, какъ бы поправишь свой просупнокъ и выкупишь роковое свое произведеніе. Лишь только свѣдалъ онъ о мѣстѣ жительства Синьора Баллондини, какъ взялъ фіакръ и поскакалъ къ нему..... но уже было поздно: за четверть часа передъ тѣмъ Синьоръ Баллондини уѣхалъ въ Италію, гдѣ намѣренъ былъ также давать концерты. Тобіасъ послѣдовалъ за нимъ.

Никогда не возможно кончить, ежели рассказывать всѣ мѣста и всѣхъ владѣльцевъ, у коихъ была пагубная скрышка. Самые крѣпкіе нервы не могли выносить ея звука болѣе двухъ недѣль; и при всемъ томъ между тѣмъ, какъ одинъ владѣлецъ хотѣлъ опъ нее освободиться, другой непременно хотѣлъ имѣть ее, и инструментъ все не терялъ цѣны,

своей. Въ теченіе болѣе нежели двухъ лѣтъ, несчастный Тобіасъ преслѣдовалъ ее по Италіи, по Англіи, Восточной Индіи, по Испаніи и, наконецъ, по Германіи, въ копорую онъ оныя прибывъ, еще разъ проѣхавъ чрезъ Францію.

Послѣ неслыханныхъ трудовъ и безпокойствъ, прибывъ Тобіасъ Гварнеріусъ въ Лейпцигъ; тамъ, какъ онъ слышалъ, была скрипка у одного богатаго книгопродавца. На этотъ разъ онъ не опоздалъ и инструментъ подлинно находился въ рукахъ чело-вѣка, копорого ему указали. Но, не смотря на спрожайшую экономію, копорую соблюдалъ при расходахъ, во время путешествія, онъ препорядочно опорожнилъ свой кошелекъ, и когда хотѣлъ купить вещь, копорой цѣна все еще находилась между двѣнадцати и пятнадцати тысячъ франковъ, у него оставалось едва нѣсколь-ко лудоровъ. Тогда онъ посовѣто-

вался самъ съ собою и, сообразивъ всѣ обстоятельство и познавъ, что изъ всѣхъ покражъ—покража души есть, безъ сомнѣнія, самая непростибельная, сознаваясь припомъ внутренно, что единственное средство для поправленія своего преступленія было—учинить другое, низшее: онъ съ оставшимися у него деньгами, купилъ согласіе слуги, и получилъ опъ него обѣщаніе бытъ введеннымъ имъ, ночью, въ домъ книгопродавца, чтобы украсъ у него скрипку.

Но проклятіе до того поспигло презрѣннаго, что даже злое намѣреніе не удавалось ему. Слуга, взявъ деньги впередъ, хотѣлъ показаться честнымъ плутомъ, и, сообразивъ какого благоволенія удостоился онъ опъ своего хозяина за открытіе этого умысла, рѣшился не совершать его, а вмѣсто того рассказать все своему хозяину. Схваченный въ распложъ въ то самое время, когда онъ

гошовъ былъ уже свершилъ свое предпріятіе, Тобіасъ брошенъ былъ въ тюрьму и предвидѣлъ, что все его похожденія наконецъ будутъ увѣнчаны позорнымъ наказаніемъ. Это приключеніе столько его усмранило, что увеличило въ немъ зародышъ давно таившейся болѣзни, который, сначала пылкость надеждъ, лживыхъ и несбывшихся и, въ послѣдствіи прешерпѣнныя безпокойства и такъ уже мало - по малу - начинали развертываться.

Въ одно прекрасное осеннее утро освѣшилъ лучъ солнца постель спрядальца, которую онъ уже не ощущалъ болѣе, и придалъ всему окружающему видъ торжественности; свѣжій вѣтерокъ колыхалъ листья деревьевъ, подъ окномъ распущихъ, и пшеницы радостно пѣли на вѣшвахъ; въ воздухѣ царствовало такое спокойствіе и счастье, что вы бы по-

клялись, что невозможно умирать въ такой прекрасный день.

Видъ этой радующейся природы вознесъ духъ Тобіаса Гварнеріуса къ Творцу, и сердце его съ любовью обратилось къ упованію на безпредѣльное милосердіе его. Въ эту минуту почувствовалъ онъ въ себѣ довольно мужества, чтобы вѣрять свою тайну священнику, дабы заслужить опущеніе грѣховъ, и на просьбу его пришелъ гошпитальный священникъ, чтобы исповѣдывать и причастить его Святыхъ Тайнъ. Исповѣдь была долга; ибо Тобіасу Гварнеріусу казалось, что признаніе его, выраженное многорѣчиво, меньше будетъ споить ему усилій, и когда, наконецъ, онъ ее кончилъ, то разстройство это его очень ослабило, и священникъ, который его слушалъ, не худо сдѣлалъ бы, еслибы поспѣшилъ причастить его; но въ качествѣ проповѣдника Слова Божія, онъ ни-

когда не имѣлъ обыкновенія разрѣшашь ошъ грѣховъ, если этому разрѣшенію не предшеспвовагь покрайней мѣрѣ распросъ, споль же пространный, какова была написанная имъ нѣкогда проповѣдь о *семи смертныхъ грѣхахъ*. Такъ какъ въ настоящемъ случаѣ ни одинъ пунктъ его покаянія не согласовался съ покаяніями другихъ грѣшниковъ, по онъ былъ принужденъ вывести предлинный сводъ изъ разныхъ проповѣдей, что чрезъ мѣру продлило его орапорскую рѣчь и дало время больному, коего силы видно ослабѣвали — впастъ въ совершенное расслабленіе. Нѣсколько минушь уже казался онъ лишеннымъ чувства и понятія обо всемъ шомъ, что его окружало, и добрый пастырь былъ уже готовъ кончить свою наставительную рѣчь, когда громкій и ошдаленный звукъ скрипки, на коей играли Тирольскую, достигъ до уха ихъ. Эшопъ звукъ, какъ можно

вообразить себѣ, не шронулъ особенно проповѣдника, который продолжалъ говорить свою рѣчь; но больной, казалось, проникнутъ былъ онымъ до мозга костей своихъ. Онъ приподнялся на постелѣ; волосы его вспали дыбомъ; судорожное сопрясеніе проскользило по лицу его; онъ прислушивался съ ужаснымъ мученіемъ, схватилъ за руку исповѣдника и сжималъ ее сильно:

» Слышите - ли, сказалъ онъ опчаченнымъ голосомъ, слышите - ли душу моей матери, на меня приносящую жалобу Всевышнему? » При сихъ словахъ схватили его сильныя судороги, которыя продолжались нѣсколько минутъ, и Тобіасъ, не причастившись — умеръ. Напрасно онъ такъ встревожился однако, ибо та, которую онъ слышалъ, была скрипка надзирателя богадѣльни, который, въ минуты опдохновенія, занимался изящ-

ными искусствами, коимъ люди его ремесла вообще очень преданы.

Въ эту самую минушу, когда Тобіасъ Гварнеріусъ переспалъ жишъ, книгопродавецъ, у котораго находилась тогда скрипка, услышалъ внутри фушьяра сильное сопрясеніе, какъ бы ошъ спруны, кошорую пронула, открывъ его, чшобы узнать, чшо бы это такое могло бышъ, онъ почувсшвовалъ маленькое дуновение въшерка: всъ спруны лопнули вдругъ, кобылка, также какъ и задвижка, кошорую инсшруменшцики называютъ душою, упали и скашались во внутренность инсшруменша, кошорый, исключая эшо, ни въ чемъ не повредился. Одному инсшруменшцику поручено было поправить эшопъ безпорядокъ. Вышедъ изъ его рукъ, скрипка совсѣмъ лишилась своего прелестнаго тона; чего особенно въ ней недоспавало, шо эшо было могущесшвенное нервное сопрясеніе, кошо-

рое она производила прежде. Но и пакова, какъ она пеперь, оспалась она еще однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ произведеній Европейскихъ инсшрументщиковъ.

Нѣсколько мѣсяцевъ спустя, когда слухъ о смерти Тобіаса Гварнеріуса доспигъ до опечеспвеннаго его города, спарый слуга градоначальника, кошорый до тѣхъ поръ хранилъ молчаніе, началъ говорить о своихъ подозрѣніяхъ, и поелику внезапное скрытіе Тобіаса Гварнеріуса уже очень возбудило вниманіе публики, по не многаго труда сполно ему еще болѣе ихъ въ помъ удосповѣришь. Народъ сполпился предъ лавкою Гварнеріуса, запершою почти цѣлые шри года, разломалъ зашворы и проникъ во внутренность оной. Нѣсколько подозрительныхъ предметовъ, между прочими и снарядъ, упошребленный для переселенія души, нѣсколько книгъ на иностранннхъ языкахъ, писанныхъ и

сочпенныхъ за волшебныя, были найдены здѣсь и споспѣшествовали привести въ худую славу память инструменщика, который, къ счастью, не оставилъ по себѣ никого родныхъ. Въ печеніе двухъ мѣсяцевъ духовенство было занято единственно служеніемъ панихидъ, которыя служили по просьбамъ благочестивыхъ людей за упокой души Бригитты Гварнеріусъ.

На другое утро послѣ посѣщенія Гварнеріусова жилища, красныя кресты, которые вы видѣли на ставняхъ, были начерчены неизвѣстной рукою. Съ этихъ поръ хозяйинъ лавки, щещно старавшійся отдавать ее въ наемъ, хотя за безцѣнокъ, еще до смерти Тобіаса Гварнеріуса, совершенно долженъ былъ опказаться опъ надежды — извлечь изъ нея какую либо пользу. Утверждаютъ, что онъ предполагаетъ совершенно срыть ее и люди, по сосѣдству живущіе, весьма этому радуются; ибо говорятъ,

что часто, среди глубокой ночи тамъ слышится страшный шумъ. Я думаю однако, что это сказки старыхъ бабъ, коимъ умные люди не должны вѣрить; ибо нельзя слишкомъ недовѣрять этимъ глупымъ, суевѣрнымъ сужденіямъ, которыя охотно слушаешь чернь. —

Должно замѣтить, что таково собственно было нравоученіе сказки, которую магистратскій членъ разсказалъ моему прадѣду. —

К о н е ц ъ .

О Г Л А В Л Е Н І Я

ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

	Стр.
1 Глазь безъ вѣка	3
2 Сара танцовщица	53
3 Палермскій монахъ	75
4 Могила скупаго	133
5 Три сеспры	154

ВТОРОЙ ЧАСТИ.

6 Съпованія	3
7 Адвокапъ	55
8 Испанскій грандъ	89
9 Тобіасъ Гварнеріусъ	121

Цена за экземпляръ 7 рублей.
Продаетъ ся во всѣхъ книжныхъ лавкахъ.